Мой секси босс

Автор:
Надежда Волгина

Мой секси босс

Надежда Волгина

Служебный роман

Он мой принц, моя мечта, мой идеал. Только вот я для него никто, он даже меня не знает. Его окружают красавицы, а меня – офисные перегородки и стопы бумаг. Он – король жизни, а я – офисный планктон, а еще послушная дочь и сестра, по совместительству. Но однажды я спасла ему жизнь и получила за это заслуженную награду – должность его секретарши. И как мне быть дальше, как вести себя с секси боссом, который сводит меня с ума? Если честно, понятия не имею, но что-нибудь я обязательно придумаю.В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock.

Глава 1

Мила

– Сто грамм молочной, пожалуйста. И если можно, порезать кубиками, помельче…

– Что значит помельче? – маленькие глазки продавщицы в колбасном отделе разве что не прожгли дырку на пуховике Милы.

– Ну как… кубиками, – Мила для достоверности изобразила жестом, как хотела бы, чтобы та измельчила колбасу.

– Девушка, вы издеваетесь?! А они все будут ждать, пока я вам тут резать стану? – театральным жестом указала продавщица на все пять человек, что успели скопиться в очереди.

– Хорошо, не нужно. Я сама…

Мила быстренько рассчиталась и поспешила на улицу. Возле входа в магазин прямо в пакете пощипала колбасу как можно мельче и положила все это «богатство» перед черненьким котенком, что сидел рядом в коробке и блестел на нее глазами-бусинками.

– Ешь, малыш, – прикоснулась она пальцами к шелковистой шерстке. – Ух как изголодался, – наблюдала она какое-то время за хватающим колбасные ошметки маленьким зверьком. – Где же твоя мамка? Я бы взяла тебя, да не могу, нельзя…

Почувствовав, что если пробудет возле котенка еще хоть минуту, то точно принесет его домой, Мила решительно развернулась и пошла прочь, меся противную кашицу, в которую превратился выпавший за день снег. Хорошенькая погодка для начала марта. Разве что дождь не идет. Но и от снега при нуле градусов толку мало.

Мила посмотрела на часы и прибавила шагу. Снова воспитательница будет высказывать Ленке, что забирают ее последнюю, хоть время еще и шести нет, а сад работает до семи. Один раз Мила уже наблюдала картину, как Лена стоит, вытянувшись по струнке перед этой грымзой, а та ей менторским тоном внушает:

– Что ты должна сказать сестре?

– Чтобы забирала меня пораньше, – пищит в ответ Лена голосом затравленного мышонка…

Ух, как же Мила тогда разозлилась! Вот прям готова была поколотить эту Клавдию Ивановну. Интересно, как она может забрать сестру пораньше, если работает до пяти, а потом добирается на перекладных? И так боится хоть на минуту задержаться в офисе. Благо, начальник понятливый, вошел в положение и отпускает всегда вовремя. А так у них считается нормой задерживаться на полчаса, час.

Конечно же, на улице, конечно же, шарф развязался и сопли по пояс. И одна. Других детей уже разобрали. Господи, ну хоть бы побегать ребенку дала! Ведь замерзла же поди, сидя как на привязи возле воспитательницы!

– А вот и наша Миленочка! – показала золотые фистулы в лицемерной улыбке Клавдия Ивановна и поспешила навстречу Миле. – Давай, Леночка, скоренько, бегом, – поманила она примерзшую к лавке малышку. – Опять задерживается твоя сестренка, да? – заглянула она так вроде ласково в глаза Миле. А сама, поди, костерит ее на чем свет стоит про себя. Ну и Миле, естественно, захотелось много чего сказать этой предпенсионерке, которая за долгие годы работы в садике так и не научилась любить детей.

– Клавдия Ивановна, она же совсем замерзла, – потрогала она ледяные руки сестры. – Почему вы ее в группу не завели?

– Это ж мне что, раздевать ее, а потом одевать по новой? – всплеснула та руками в притворном ужасе. – Только ребенка мучить…

Мила смотрела на престарелую блондинку в каракулевой шапке и размышляла, сказать той всю правду, что она думает о ней и ее методах работы, или не стоит? Может, нужно пригрозить походом к заведующей? А еще припомнить шантаж, к которому она периодически прибегает в разговорах с ребенком? А еще лучше просто обложить трехэтажным матом, да послать куда подальше напоследок!.. Только ведь не поможет, да и к Ленке та станет еще хуже относиться. И так не переваривает ее, считает гиперактивной. А когда это у нас так стали называться детей с пытливым умом и разговорчивостью?

– Пойдем, Ленок. До свидания, Клавдия Ивановна, – взяла Мила сестру за руку. – Сейчас пройдешься и согреешься. Ножки замерзли? Ну потопай ими чуть-чуть. Так лучше?..

– Мил, ну Ми-и-ил! Ты опять что ли в заоблачные дали улетела?

Они уже подходили к дому, и только сейчас Мила сообразила, что Лена ей что-то рассказывает. А теперь вот обиженно надула губы и не смотрит на нее. Улетела в заоблачные дали. Вообще-то, так говорит мама, когда старшая дочь глубоко задумывается. Ну хорошо, не задумывается, а начинает фантазировать. Ну не

виновата же она, что фантазии свои считает второй жизнью, где есть место всему тому, чего нет в реальной. Она уже давно привыкла не жаловаться и довольствоваться малым. Но только не в мечтах. Там у нее есть Вадим! И он ее любит. Нет! Он сходит по ней с ума, предугадывает малейшее желание. А еще у них скоро свадьба. Скромненькая такая, человек на сто. Конечно, Вадим предлагал гульнуть с размахом, как того хотят его родители. Но это идет в разрез с желаниями Милы. Во всем нужна мера, даже в таком торжественном событии, которое случается раз в жизни.

– Все! Я с тобой не дружу! – вырвала Лена свою ручку, оставив Миле мокрую варежку, и гордо зашагала по лестнице на второй этаж.

– А вот и дружишь! – подхватила сестренку Мила на руки и помчалась вверх. – А не будешь дружить, защекочу, так и знай.

В квартиру они вбегали, хохоча обе. Мила даже ловить Лену не стала, когда та упорхнула в комнату, прямо как была, в грязной обуви. Все равно, полы в коридоре затоптанные, и первым делом нужно их протереть. Потому что скоро от Шведовых вернется мама и если застанет квартиру такой, то мало не покажется всем.

– Ленка, раздевайся и вещи складывай на место. И руки помыть не забудь! – крикнула вслед сестренке Мила. Сама же быстро стянула пуховик, сунула в тумбочку сапоги (потом помоет) и поторопилась в ванную за ведром и шваброй.

Не, ну ладно, коридор кроме нее никто не вытирает. Это уже у всех вошло в привычку. Но посуда-то почему не мыта?

– Сашка! – гаркнула Мила, да так громко, что не знакомый с ней человек подивился бы голосу такой силы в столь хрупком теле. Весу-то в ней было не больше пятидесяти килограммов, и это при росте метр семьдесят. Недобор явный. Хотя фигурой своей Мила была довольна. Меньше весишь, легче жить. Так тоже говорит ее мама, которая, кстати, тоже далеко не упитанная. Конституция у них такая – худышестая. – Иди-ка сюда! Засранец малолетний, – это она уже сказала себе.

– Ну? – появилась в дверном проеме долговязая фигура брата с болтающимися на шее наушниками.

– Что ну? Гну! – окрысилась Мила. Только сейчас она почувствовала, как устала. – Почему посуду не помыл?

Сегодня по графику было его дежурство. В свой день Мила безропотно бы встала к раковине, но сейчас уже дело касалось принципа, и сдавать позиции она не собиралась.

– Ну, помою… Потом…

– Нет сейчас! – схватила она Сашку за руку и подтолкнула к раковине. – Скоро мама придет.

Это было волшебное словосочетание, которое всегда действовало безотказно. Да и брату надо отдать должное – подчинился почти безропотно. Ворчал, конечно, что-то на тему, как его это все достало, но посуду мыл. Его понять тоже можно. Мало того, что мальчишка, так еще и вошедший в пору юности. Шутка ли, пятнадцать лет недавно исполнилось. Конечно, в этом возрасте меньше всего хочется заниматься домашними делами. Но и кто-то один не должен надрываться за всех. А таким «кто-то» в их семье много лет была мама, когда ее бросил первый муж, едва Миле исполнился год. На заработки он, видите ли, подался, а там и про семью забыл. Мама долго мыкалась одна, пока не подвернулся отец Саши и Лены. Но и от него помощи было, как от козла молока. Все, что зарабатывал, то и пропивал с дружками. А потом и вовсе помер в канаве, куда свалился в пьяном угаре. Мама и сейчас продолжала трудиться за десятерых, но Мила следила, чтобы хотя бы дома ей ничего не приходилось делать. Такое положение вещей она считала справедливым.

Пока Сашка мыл посуду, Мила с Леной начистили картошки. Да-да, сестренку она тоже приучала к труду с малолетства. Как могла, так и помогала. Главное, выработать у нее привычку к труду, а дальше пойдет легче.

Когда вернулась мама, в квартире уже царила чистота, на плите томилась картошка с тушенкой, Мила с Леной читали сказку, а Сашка делал вид, что занят уроками, закрывшись в своей комнате.

– Как дела на работе? – поинтересовалась мама у Милы за ужином.

– Нормально.

– У тебя всегда все нормально, – рассмеялась мама. – Чем ты там хоть занимаешься? Полгода уже, как устроилась, а ничего не рассказываешь.

– Так и нечего рассказывать, мам, – пожала плечами Мила. – В мои обязанности входит выполнять все мелкие поручения.

Мила трудилась с восемнадцати лет, как только закончила школу. Где только не работала: и нянечкой в детском саду, и продавщицей в палатке, на рынке, и промоутером, и курьером… В общем, послужной список у нее был еще тот, солидный, если не учитывать, что все должности считались неквалифицированными. Ну это и понятно, куда еще можно устроиться без специального образования. А полгода назад позвонила бывшая одноклассница и предложила ей работу в крупной строительной компании. Туда набирали персонал из тех, кто хорошо умеет обращаться с карандашом. Вот одноклассница и вспомнила про Милу, которая в школе отлично чертила. Теперь она работала в чистом современном офисе, в команде конструкторов, младшим помощником. По-простому говоря, везде была на подхвате. Но Милу все устраивало. Платили хоть и немного, но стабильно.

– К восьмому марта обещали премию, – сообщила она радостную новость. – Будет на что подарки купить. А как там у Шведовых дела?

– Да все так же, со странностями, – усмехнулась мама. – Не поверишь, кого я сегодня видела.

– И кого же? – поинтересовалась Мила.

– Деда Мороза? – воскликнула Лена.

– Нет, дочь, дед Мороз уже спит, в своем Устюге, – улыбнулась мама и потрепала малышку по светлым волосикам. – Вика домой вернулась, – перевела серьезный взгляд на старшую дочь.

– Правда что ли?

Мила даже не знала, как реагировать на эту новость. Когда-то, сейчас уже казалось, что в прошлой жизни, были они с Викой закадычными подругами, такими, что не разлей вода. С детского сада дружили, да и росли в одном дворе. Когда закончили школу, то видеться стали гораздо реже. Мила пошла работать, Вика поступила в институт. А потом подруга переехала, решила начать самостоятельную взрослую жизнь. И вот уже года три они с Милой даже не созванивались.

– И как она? – уточнила она у матери.

– Не знаю, дочь. Уставшая какая-то или потерянная. Ну так мне показалось. Мы ж и парой слов не перебросились. А может, просто повзрослела, да ветра в голове поменьше стало.

Ветра? А разве был он когда-то у Вики? Миле она, наоборот, всегда казалась очень целеустремленной, четко знающей, чего хочет от жизни. Интересно, как она устроилась? Как на личном фронте дела обстоят?

– А ты позвони ей. Подруга все-таки.

Ну так их уже вряд ли можно назвать. Жизнь развела, как говорится.

– Может и позвоню, – пообещала Мила и принялась убирать со стола. Почему-то ей сейчас сильнее обычного захотелось закрыться в своей комнате и помечтать. Начиналось ее время – вечер, когда никто не посягает ни на ее жизнь, ни на ее территорию.

Хорошо быть взрослой двадцати четырех летней девахой без малейшего намека на личную жизнь. В таком случае тебе даже выделяется собственная комната в трехкомнатной хрущевке. Вторая такая, собственная, у брата. Ну тут все просто, он мужчина. А вот мама с Леной живут в проходной комнате. Но одна уже махнула рукой на личную жизнь, хоть Мила с ней и совершенно не согласна и считает ее еще даже очень ничего, а вторая еще маленькая. Наверное, все надеются на то, что когда Лена подрастет, Мила уже обзаведется собственным домом. Ой ли… Свежо предание, да верится с трудом.

В такие моменты, как этот, когда заканчивала с домашними делами и закрывалась в своей комнате, Мила понимала, что ведет не совсем нормальный

образ жизни, что большую часть ее расходует не на себя, а на свою семью. Но ведь и никого роднее у нее не было. А сама она… Ну что ж, еще не старуха, хоть уже и девушкой можно назвать с натяжкой. Свободного времени нет от слова совсем. С мамой у них двое детей на двоих, хоть Мила их и не рожала. И с романтикой дело обстоит настолько тухло, что даже думать об этом не хочется. Но у нее есть Вадим, и сейчас наступает его время.

Мила улыбнулась своими мыслям, легла на кровать и прикрыла глаза. Сегодня она его видела несколько раз, хоть и большую часть времени он был в разъездах. А один раз она даже столкнулась с ним в коридоре, когда главный конструктор отправил ее за сметой в бухгалтерию. Ну столкнулась – громко сказано. Он так спешил, что даже не взглянул на нее, пронесся мимо. А она еле сдержалась, чтобы не оглянуться и не посмотреть ему вслед. Но делать этого нельзя, о ее тайне не должен знать никто.

Вадим! Он такой!.. Как с картинки. Не то чтоб классический красавчик, какие Миле наоборот не нравились. Он настоящий мужчина. Высокий, сильный, с мужественными чертами лица. Брюнет, опять же, как ей нравится. Волосы такие, волнистые, шелковистые, наверное. Стрижка всегда стильная, аккуратная, оттеняет его синие глаза. Нет, даже не глаза, а озера! Только вот, бриться ему нужно каждый день, хоть щетина ему и идет. Но ведь она колется, когда целуешься! Ах, каково это – ощутить его губы на своих. Какие они? Мягкие и теплые или жесткие и прохладные? Да и какая разница, если это его губы.

Нет! Все сегодня как-то не так. Вот абсолютно все! Даже не мечтается. Мила села на кровати и схватила книгу со стола. Лучше уж читать, чем думать, что Вадим ей не пара. Где он – сын владельца одной из самых крупных строительных компании, коммерческий директор, и она – мелкая рыбешка в огромном планктоне. Да на таких, как она, такие, как Вадим, не то что не смотрят, а и за людей, поди, не считают. Но мечтать-то она может!

Эх… Если бы он только хоть разок взглянул на нее. Ведь не уродина же. Многие находят ее даже симпатичной. Ну нет в ней светского лоску, и что. Не это же в человеке главное. Зато она классно готовит лазанью, а еще печет лимонный кекс такой, что пальчики оближешь. Хотя, скорее всего, у Вадима штат поваров-профессионалов и любительской лазаньей его не удивишь. А еще у таких как он просто не может не быть девушки. Возможно, он даже помолвлен, а она об этом не знает. Да хоть бы и знала, что бы изменилось? С этой мыслью Мила отбросила и книгу, которую даже не открыла. Да что же сегодня за день, вечер? Почему

мысли в голову лезут одна чернее другой? Как будто судьба ей готовит перемены, а пока настраивает на нужную волну, чтобы потом не пришлось слишком тяжко.

Звонок телефона пришелся как нельзя кстати. Кто бы это ни был, спасибо ему или ей большое! Мила уже просто больше не могла копаться в себе и остановиться не получалось. Она пулей выскочила из комнаты, чтобы успеть взять трубку первой. Мама лишь удивленно взглянула на свою импульсивную дочь и с радостью снова опустилась на диван. Лена уже посапывала на своем диванчике. Она у них жаворонок, и завтра всех разбудит ни свет ни заря, будильник можно не заводить.

– Алло! – проговорила Мила в трубку и какое-то время слушала тишину на том проводе, нарушаемую едва уловимым треском. – Говорите! Алло!..

– Привет, подруга!

– Здравствуйте! – машинально отозвалась Мила.

– Приехали… – произнес смутно знакомый голос. – Уже перешли на вы.

Лишь когда на том проводе усмехнулись, Мила испытала невольный прилив радости.

– Вика?.. Мама сказала, что ты вернулась к родителям.

Она не знала, что можно сказать еще, хоть и поговорить с подругой вдруг испытала дикое желание. Но у них не осталось общих тем.

– Мил, мне тебе столько нужно рассказать. Столько всего произошло.

Показалось ей, или в голосе Вики, действительно, промелькнула грусть? Значит, мама права, и та сильно изменилась.

– Вик, у тебя все в порядке?

– Нет, но это не телефонный разговор, – решительно ответила та, и наконец-то Мила узнала в ней прошлую Вику. – Давай завтра встретимся, в нашем кафе? Я ужасно соскучилась.

Ну вот тебе и перемены. Что-то подсказывало Миле, что звонок подруги, да и само возвращение той в ее жизнь, не спроста. Что-то, да будет.

Глава 2

Вадим

– Вадим Максимович, я к вам со сметой.

Черт! Опять премия слетела! Вадим в сердцах заблокировал телефон и отложил его в сторону. Уже второй раз ему за сегодня не дают доиграть партию в покер. На этот раз сама Юлиана пожаловала, собственной персоной. Красотка, чего уж там. Смотреть на главного бухгалтера, как та, виляя бедрами, приближается к его столу, как склоняется, позволяя заглянуть в декольте, неизменно доставляло Вадиму удовольствие. Но и только. Такими красотками, а по совместительству еще и зубастыми стервами, лучше любоваться на расстоянии. Да и старше она его, хоть и не выглядит на свои годы.

– Прогуляться захотела? – откинулся Вадим на спинку кресла, постукивая карандашом по столу. – Могла бы прислать одну из своих девочек, передать смету через секретаря, – ухмыльнулся он.

– Вадик, ну это не простая смета, – кокетливо улыбнулась женщина, проводя кончиком язычка по полным красным губам и откидывая за спину тяжелые каштановые пряди.

Вот опять же, не понимал Вадим женщин, особенно таких. Ведь она заигрывает со всеми, даже с его отцом. Ни внешность, ни возраст, ничего не способно остановить ее, разве что тощий кошелек. Красивая картинка, за которой трухлявое нутро. Мозг у нее, как калькулятор, а душа… души у нее, скорее всего, и вовсе нет. То ли дело его Катя. Вот у кого царит гармония, как по

Чехову, прям, и душа прекрасна, и тело. Вспомнив подругу, Вадим глянул на часы. В пять они договорились встретиться в ресторане, и уже начало пятого. А еще надо заехать за цветами.

– Давай сюда свою смету. Мне уже надо ехать, – нахмурился он. А когда заглянул и прочитал строку «аренда зала», нахмурился еще сильнее. – Юлиана, что это?

– Смета на проведение корпоратива в ресторане «Итальянские грезы».

– А я тут при чем?

– Ну как же… Утвердить меню, согласовать сумму…

– Юлианочка, ты перепутала, – притворно ласково улыбнулся Вадим, хоть в душе уже и начинал вскипать. И ежу понятно, что ей стало скучно, и она лишний раз пришла показать себя ему. И не пугают же ее отказы! – Этим у нас занимаешься ты, а не я, – жестко закончил и встал из-за стола. – И что-то сумма на подарки сотрудницам фирмы у тебя какая-то маленькая получилась, – заглянул он в смету. – Утрой, пожалуйста, не жмись. И купи что-нибудь приличное.

– Так директорат…

– А я что-то сказал про директорат? – повысил голос Вадим. Эта умная кукла ему уже надоела. – Всем женщинам купи приличные подарки! – сделал он ударение на первом слове.

Не дожидаясь, когда Юлиана покинет его кабинет, Вадим первый вышел в приемную, кинул секретарше-Маше «До завтра» и направился к лифту. Мыслями он уже был в ресторане, рядом со своей белокурой красавицей. Как же он соскучился по ней за целый день! Хотелось обнять ее за тонкий стан, припасть к пухлым губкам… Ого! Даже в штанах стало тесно! Как мальчишка, ей богу. Школьник, влюбленный в соседку по парте.

В машину Вадим садился с улыбкой на губах, уже забыв и про работу, и про пиявку по имени Юлиана. У цветочного рынка притормозил и выбрал для Кати самый красивый букет из маленьких чайных розочек, как она любила. До встречи оставалось еще полчаса, и Вадим решил заскочить еще и в ювелирный магазин.

Почему-то сегодня хотелось особенно порадовать девушку. Конечно не колечком, к этому он еще не был морально готов, но вот сережки с небольшими бриллиантиками выбрал на свой вкус, так и представляя, как те будут сверкать в ее идеальных ушках.

Столик он заказал заранее. Катя немного запаздывала. Женщины – редко кто из них отличается пунктуальностью. Но даже эту особенность своей девушки Вадим не мог относить к недостаткам. Она даже задерживалась мило, а потом так нежно извинялась, что он ей моментально все прощал. Вот и сейчас, стоило ей только появиться в зале, как суровое мужское сердце сжалось от нежности, а потом затрепетало в груди. Захотелось вскочить и броситься к ней навстречу, но этот порыв Вадим обуздал. Ни к чему обнажать свои чувства перед посторонними. Он встал и терпеливо ждал, когда официант проводит его девушку к столу и выдвинет для нее стул. Потом Вадим заказал бутылку самого дорогого шампанского, которое, точно знал, Катя любила. Лишь когда официант удалился выполнять заказ, он позволил себе накрыть ее руку своей и проговорить:

– Привет, красавица!

– Привет! – поспешно ответила она и забрала руку. Ох уж эта стеснительность – не любит привлекать к себе внимание. Но даже это в ней Вадим любил.

– Как прошел день? – поинтересовался он.

Ответить Катя не успела. Вернулся официант с шампанским. Пока тот откупоривал бутылку и разливал пенящуюся жидкость по бокалам, они молчали. Немного странным казалось Вадиму, что Катя отводит глаза, стоит только встретиться с ним взглядом. В душу закралось беспокойство – уж не случилось ли у нее чего.

– Вадим! – когда официант удалился, набрала Катя побольше воздуха в грудь и выпалила первая, пока он не успел хоть что-то сказать. – Нам нужно поговорить.

Никогда раньше он не видел ее такой, отстраненной, словно они едва знакомы, а не живут уже год вместе.

– И о чем? – напрягся он, предчувствуя катастрофу.

– Я ухожу от тебя.

Вот оно! То, чего он не ожидал, но подспудно боялся. Не то чтобы он думал об этом, нет. Но где-то на задворках сознания эта мысль посещала его. Наверное, потому что на Катю он молился как на богиню. Очень давно уже он привык считать ее идеальной для себя женщиной, удовлетворяющей все его эстетические потребности. Красавица, умница, добрая, успешная… Список можно было продолжать, только перед ним уже сидела не его Катя. Вадим понял это в один момент. И что самое странное, его не интересовали причины. Раз она так решила, то от своего уже не отступит. Ей это тоже далось не легко, он читал эмоции сейчас на ее лице. Но и это уже ничего не меняло.

– Хорошо, – заставил себя сказать, продолжая разглядывать ее лицо, словно хотел запечатлеть в памяти каждую черточку.

– Прости, – пробормотала она, вставая из-за стола.

На этот раз он не встал следом, а лишь молча проводил ее взглядом, чувствуя какое-то отупение в душе, словно жизнь вдруг стала настолько сложной и непонятной, а он в этой жизни каким-то никчемным и опустошенным. Его замок был построен на песке, и узнал он об этом только что, когда тот рухнул.

Мила

– Вставай, а то проспишь, – маленькая ладошка опустилась на щеку, и Мила успела ее поймать.

– Попалась! – дернула она сестренку на себя и принялась щекотать.

Так они играли почти каждое утро, кроме выходных. Но сегодня была пятница, и на самом деле пора было вставать. Завести Ленку в сад и бежать на работу. Опоздание грозило штрафом или часовой отработкой в ближайший будний день. Ни того, ни другого Мила себе позволить не могла.

Умывание, завтрак, и через полчаса они уже неслись с Леной в детский сад по обледенелому двору. Сестренка всю дорогу что-то говорила, но слушала ее Мила в пол уха. Старалась только не тащить малышку за собой уж слишком рьяно. Та

и так вон уже запыхалась, язык на плече. И ведь не замолкает! Интересно, она тоже в детстве такой болтливой была? И куда тогда эта способность подевалась с возрастом?

У ворот сада они с сестренкой распрощались. Мила проследила, чтоб та забежала внутрь, а потом и сама рванула на остановку. Теперь главное не проследить автобус. Если опоздает на него, то и на работу тоже. А больше всего в жизни Мила не любила непунктуальность в людях, и, прежде всего, не позволяла этого себе.

Стрелки часов стремительно приближались к восьми, и за две минуты до начала рабочего дня Мила припечатала пропуск к считывающему устройству, улыбнулась охраннику на входе и проскочила турникет. Немного потопталась у лифта в небольшой толпе народа, ожидая когда тот вернется вниз. Фирма «Меркурий», где трудилась Мила вот уже полгода, занимала весь девятый этаж офисного здания. А всего этажей было десять.

Случилось то, чего Мила не ожидала, что было ровно два раза за все время ее работы тут. Сердце пропустило несколько ударов, когда в лифт заскочил Вадим. Ну не Вадим, конечно, а Кожевников Вадим Максимович, но Миле так нравилось про себя его называть исключительно по имени. И не Вадик, как делали многие, приближенные к руководству. Вадик!.. Ну что это такое?! Таких, как он, можно звать только полным именем, которое отлично отражает и яркую внешность, и безупречный стиль в одежде, и характер. Последнее тоже являлось исключительно плодами фантазий Милы, но так хотелось думать, что он не только красив внешне, но еще и душой. И даже то, что иногда до нее доходили слухи о вспыльчивости коммерческого директора, не могло ее заставить думать по-другому.

Вадим заскочил в лифт, когда двери уже практически сомкнулись, протиснулся в последний момент. Всю дорогу, прижатая к задней стенке лифта, Мила любовалась чернявым затылком и улавливала знакомый аромат дорогого парфюма. Немного горьковатый, слегка агрессивный, но так ему идущий. Интересно, какие на ощупь его волосы? Наверное, мягкие и шелковистые. Вот бы прикоснуться к ним, спуститься на шею, ощутить тепло его кожи… Лифт постепенно пустел, а фантазия Милы буйствовала все сильнее. Сердце колотилось в груди как ненормальное, разгоняя адреналин по крови, когда она представила, как подходит к нему сзади, кладет руки на плечи. И он поворачивается, заключает ее в объятья. Взгляды их встречаются, и она

медленно тонет в синих озерах. Губы его приближаются к ее…

– Ой! Подождите, пожалуйста! Это мой этаж! – спохватилась она, когда осталась в лифте с двумя женщинами с десятого этажа, даже не заметив, как вышел Вадим.

– Ну что ж вы, девушка, спите еще? – недовольно поджала губы одна из дам, пропуская ее на выход.

– Молодежь, что с них взять, – понеслось ей в спину, сказанное вдогонку.

Можно подумать! Как будто с ними такого не случается. Ну замечталась о несбыточном, так что. С кем не бывает. Вздохнув, Мила позволила себе лишь мимолетный взгляд налево, где находился кабинет коммерческого директора, чтоб еще раз увидеть знакомый силуэт, и побежала направо – в свой конструкторский отдел.

– Синицына, ты на часы смотрела? – такими словами встретил ее Виталий Викторович – начальник конструкторского отдела, которому никогда по утрам не сиделось в своем кабинете. Любил он именно в это время распекать подчиненных, чем и был занят в настоящий момент.

Что тут ответишь? Ничего. Хоть и всего на пару минут, но Мила опоздала. Отработкой или штрафом ей это не грозило, потому как на проходной отметилась вовремя, но стыдно было, отчего она сразу же покраснела. Дурацкая привычка – краснеть по поводу и без! С детства преследует ее и избавиться не получается.

– Иди работай, Синицына, – в сердцах проговорил начальник и махнул на нее рукой.

Просить дважды не пришлось – уже через секунду Мила скрылась в своем закутке и прижала ладони к щекам, чтобы остудить в них пожар. Стыдно! Стыдно опаздывать и получать прилюдный выговор. И больше она себе такого не позволит.

Пока раздевалась, Мила оценивала обстановку на своем рабочем столе, который каждый вечер приводила в порядок, убирая все лишнее, оставляя практически пустым. Сейчас на нем уже лежало несколько бумаг, а это значило, что день задался насыщенным с самого утра. Кому-то нужно было пояснительную записку перепечатать набело, для кого-то подготовить письмо и отпечатать его на фирменном бланке, спецификации опять же были на ней, в общем, скучать не приходилось. Но Миле нравилась такая работа. Она сразу полюбила настроение суеты, которое почти все время царило в их отделе. В огромной комнате трудилось сразу двадцать конструкторов. Двадцать первой была она. Ее должность в трудовой так и называлась: «Помощник конструктора». По-простому говоря, на все руки от скуки. Только вот скучать не приходилось. Обычно Мила не замечала, как пролетал рабочий день. Порой даже у обеда приходилось уворовывать время. Но ее все устраивало, разве что кроме маленькой зарплаты. Но тут уж ничего не поделаешь – оклад согласно штатному расписанию.

– Привет, синица! – заглянул к ней Вова – младший конструктор, с неизменной улыбкой на губах. Это он ее первый прозвал синицей, и прозвище к ней приклеилось намертво. – Кофе?

– Если не трудно, – улыбнулась она ему. Кофе хотелось ужасно, а сама бы она не рискнула за ним сходить, когда рабочий день начался. Обычно она специально приходила на десять минут раньше, чтоб успеть себе приготовить бодрящего напитка, с которого и начинала рабочий день.

– Вуаля! – тут же перед ней появилась чашка, источающая божественный аромат. Как же Мила любила кофе!

– Вовка, ты волшебник! – расплылась она в довольной улыбке.

– Просто я знаю, как угодить самой красивой девушке в отделе, – не остался он в долгу.

Комплимент смутил, но виду Мила не подала, разве что противные щеки снова заалели.

Вова Зайцев – симпатичный парень, любимец всей женской половины отдела. Они как-то сразу сдружились, чуть ли не с первого дня. Именно он вводил Милу

в курс дела и знакомил со всеми. Вроде как получилось, что он ее взял под свою опеку. А со временем их дружба только крепла. Конечно, многие считали, что он имеет на нее виды, далекие от дружеских, и эти слухи периодически доходили до Милы, но сама она так не думала. И поводов так думать Вова не давал, разве что иногда смущал комплиментами, как сейчас вот. Зато у него были ответы на любые вопросы. Если Мила чего-то не понимала в работе, то точно знала, к кому обращаться за помощью. А еще он все и про всех всегда знал. И после этого верь, что сплетницами могут быть только женщины. Имеющейся информацией Вова очень любил делиться, разве что делал это не злостно, а в своей весело-добродушной манере. Вот и сейчас он доверительно сообщил Миле:

– Говорят, шеф сегодня не в духе. Машка рыдала в туалете – получила от него нагоняй с утра пораньше.

– Ты-то откуда знаешь? – рассмеялась Мила. Ему неизменно удавалось поднять ей настроение.

– Так девчонки рассказали, – пожал он плечами. – По мне, так правильно. Как он вообще так долго терпит рядом с собой такую ходячую глупость?

Маша – секретарь Вадима. Кукла Барби, как ее называли на фирме. Ну да, Мила тоже считала девушку слегка глуповатой, но раз та занимает такую почетную должность, как секретарь самого коммерческого директора, значит, справляется. А вот Вове Маша не нравилась. Изредка он позволял себе в ее адрес далеко не лестные комплименты, оправдывая себя тем, что в женщинах ценит, прежде всего, ум.

– Да и бог с ней, с этой Машкой. Поревет и перестанет, может поумнеет, – скривился он. – Ты лучше скажи, на корпоратив идти собираешься?

Головная боль последней недели – предстоящий корпоратив, посвященный восьмому марта. Выходной выпадал на среду, а банкет устраивали во вторник вечером, да еще и в ресторане. Мила до сих пор не решила, пойдет ли. С одной стороны, ей ужасно хотелось подсмотреть за Вадимом в неформальной обстановке. С другой – идти на празднование было не в чем, а покупать обновку – не на что. Потому и пребывала до сих пор в раздумьях. Но пойти хотелось очень. Она и так пропустила новогодний корпоратив.

– Не знаю, Вов, – честно призналась она.

– Ой, вот давай только без «не знаю»! – возмутился он. – Надо пойти, – наставительно добавил. – Должны же мы с тобой напиться, в конце-то концов.

– Да я и не пью, – вновь рассмеялась Мила.

– Со мной все пьют, – подмигнул он и встал со стула. – Ладно, пора приступать к работе, – широко зевнул, – а то от ВВ опять выговор получу.

ВВ – прозвище Виталия Викторовича. Опять же, родилось оно из Вовкиных уст. Вот же выдумщик! Но парень отличный.

Как пролетело время до обеда, Мила даже не заметила. Зато, вроде со всеми заданиями разобралась. Правда обычно к тому моменту, как она возвращалась из столовой, на ее столе скапливались новые документы.

Стоило только подумать, что сегодня работа у нее больше сидячая, чем бегающая по этажу, как к ней заглянул ВВ и бросил на стол три толстых письма.

– Отправь, Синицына. Сегодня последний срок.

Как обычно. К таким поручениям Мила уже привыкла. Сроки по отправке корреспонденции горели тут всегда. Все делалось в последний день. И угадайте, на кого ложилась главная ответственность за срыв? Правильно – на нее. Это она в конце рабочего дня вынуждена была идти не домой, а на почту России, чтобы толкаться в очереди и выслушивать недовольство пенсионеров.

– Хорошо, – только и кивнула Мила. Поручения начальства не обсуждаются и не критикуются.

– Можешь уйти… – ВВ посмотрел на часы, окинул взглядом ее стол, затем для чего-то перевел его на Милу и выдал: – на полчаса раньше, – кивнул сам себе и удалился.

Так и получилось, что в половине пятого она отправилась на ближайшее отделение почты, на этот раз не надеясь прийти в сад за Ленкой даже к шести.

С почты она выходила без пятнадцати шесть – злая, уставшая и жутко голодная. Одно успокаивало, что поручение начальства выполнила. Только вот, нужно было мчаться сломя голову в детский сад, потом готовить что-нибудь на скорую руку на ужин, а в половине восьмого ее уже ждала встреча в кафе с закадычной, а точнее, с бывшей закадычной подругой.

Еще вчера была зима, а сегодня все резко решило начать таить. Горы снега по обочинам проезжей части сползали в грязные лужи, заливали дорогу. Утренний морозец за день сменился промозглой слякотью и пронизывающим ветром. Мила совершенно окоченела на остановке даже в толстом пуховике, пока дожидалась автобуса. И когда на горизонте показался нужный, случилось то, от чего она едва не разрыдалась прилюдно. Серебристая иномарка на полной скорости промчалась по ближайшей к ней луже, окатывая ее с головы до ног ледяной и грязной водой.

Как же стыдно, холодно и противно! И взгляды всех на остановке прикованы к ней. Мало кто смотрел с сочувствием, больше – с нездоровым интересом и затаенной радостью, что на ее месте не они. Мила же боролась со слезами и жалостью к себе. В чем она завтра пойдет на работу, если пуховик теперь нужно стирать, и до завтра он вряд ли высохнет? И как же ей было жалко свою замшевую сумочку, деньги на которую она откладывала с четырех зарплат! Как теперь сводить эти темные кляксы со светлой материи? Правильно мама сказала, что такая роскошь не для русской зимы и тех, кто добирается на работу в общественном транспорте.

За всеми этими горестными мыслями Мила едва не прозевала свой автобус. Уже втискиваясь последней в закрывающиеся двери и практически вися на подножке, она бросила взгляд в сторону светофора и заметила ту самую иномарку, дожидающуюся зеленого сигнала, чтоб промчаться еще по какой-нибудь луже и окатить еще одну такую же дуреху. Как-то машинально в память врезался номер машины «М 777 ММ». Хотя, такой трудно было не запомнить.

К детскому саду Мила подходила злая, как цепная собака, и голодная, как подвальная крыса. К тому же, она умудрилась промочить ноги, шлепая по лужам, когда не было возможности их обойти. Картина замерзшей сестренки и равнодушно взирающей на ту воспитательницы уже даже не удивила. Зато это явилось последней каплей в личной чаше терпения на сегодня.

– Клавдия Ивановна, у вас дети есть? – спросила Мила, прижимая к себе Лену в попытке хоть как-то обогреть.

– У меня, Миленочка, уже трое внуков, – расплылась разукрашенная не по-педагогически ярко престарелая матрона. – Ванечка, Петечка…

– А в сад они ходят? – наглым образом перебила ту Мила.

– Младшенький… ходит, – уже с меньшим энтузиазмом ответила воспитательница, и в глазах ее постепенно разгорался страх.

– А его тоже до последнего держат на улице? Часто потом ваша дочь или, может, сын лечат его от кашля и соплей, не имея возможности оставить дома, вынужденные и на следующий день вести в сад? Или вы не знаете, потому что и к собственным внукам относитесь так же, как к детям, с которыми работаете?!

Мила чеканила слова, как командир роты на плацу, повышая голос все сильнее. Она боролась с желанием схватить эту противную тетку за грудки и встряхнуть как следует. А потом трясти так долго, пока та не поймет, что детей нужно любить, а не просто терпеть рядом и получать за это деньги.

– Я не понимаю…

– Все вы понимаете, – злость спала как-то разом и накатила усталость. Захотелось в тепло, подальше от этой сырости. – Клавдия Ивановна, давайте договоримся, если я еще раз увижу Лену в холодную погоду, замерзшую на улице, я пожалуюсь на вас заведующей. Не просто пожалуюсь, а напишу официальное заявление с просьбой принять меры.

Больше она тратить время, которого и так было в обрез, на угрозы или пустые разговоры не собиралась. Кажется, у нее получилось напугать эту гусыню. По крайней мере, выглядела та именно так, когда они с Леной покидали участок.

Дома Милу поджидал очередной сюрприз. Не успели они с Леной переступить порог, как с кухни выскочил Сашка.

– Тсс, – прижал он к губам палец. – Мама дома и она не в духе.

Неужто брательник моет посуду? И это в ее смену! Уму не постижимо! И почему мама дома так рано? Ох, что-то разволновалась она не на шутку. Оставив сестру на попечение Сашки, Мила поспешила в комнату. Маму она застала сидящей на диване в расслабленной позе и с закрытыми глазами.

– Мам, – осторожно приблизилась к ней Мила, сначала решив, что та спит. А когда мама открыла глаза и улыбнулась, от сердца немного отлегло. – Все нормально? – опустила Мила рядом на диван.

– Знаешь, доча, устала я что-то, – голос мамы прозвучал глухо, и Мила снова испугалась.

– Мам, как ты себя чувствуешь? – всполошилась она и потрогала морщинистый лоб. Температуры вроде нет, но все равно она какая-то бледная.

– Нормально, – взяла та руку Милы в свои. – Просто устала…

Мама работала санитаркой в поликлинике. Заканчивала в три, а потом еще отправлялась готовить, но не домой, а в чужие семьи, за дополнительную плату. Таких семей у нее было четыре. Чета Шведовых (родители Вики) были одной из таких семей, которые могли себе позволить платить приходящим домработнице и кухарке, и ни на что в быту не были способны сами. Мила их знала с детства и всегда считала немного странными, не от мира сего. Он – какой-то там профессор, она – пианистка. Вроде и живут вместе, даже вон Вику родили, но на самом деле – каждый варится в своем соку. Уже неоднократно Мила просила маму не заниматься подработкой, видя как та устает. Но до сих пор та оставалась непреклонной. И сегодня Мила решила подвести окончательную черту.

– Так все! Хватит батрачить на всяких дядь и теть! – вскочила она с дивана и принялась мерить шагами комнату. – Я работаю. И мы не последний кусок доедаем. Пора подумать и о себе, мам.

Та наблюдала за дочерью с улыбкой и, кажется, даже не собиралась спорить.

– Мам, – взмолилась Мила, – скажи, что ты согласна!

– Согласна, доченька, согласна, – кивнула та и даже выдохнула с облегчением. – Да и тебе полегче станет.

– Речь не обо мне…

– Да знаю я, – махнула рукой мама. – В этом ты вся в меня – себя не щадишь. Сегодня позвоню всем и уволюсь.

– Вот и замечательно! – захлопала Мила в ладоши. – Ладно, ты отдыхай, а я пойду по-быстрому что-нибудь на ужин сварганю. И мам, вечером мы договорились встретиться с Викой. Ты не против?

– А чего это я должна быть против? И чего это ты ей понадобилась через столько лет? – сварливо добавила, на что Мила только и могла, что пожать плечами. – Знаешь что, я сама сегодня приготовлю ужин, – встрепенулась мама. – Когда принимаешь правильное решение, сразу становится легче. Иди, собирайся…

Времени до встречи как раз хватило на то, чтобы выстирать пуховик и затереть пятна на сумке. Конечно, как прежде она теперь не будет, но вроде хоть грязи не видно.

Кафе это они с Викой облюбовали еще в школьные времена. Раньше это было кафе-мороженное, сейчас там подавали еще и горячие закуски. Внешне заведение тоже изменилось – осовременилось, обзавелось тонированными стеклами и неоновой подсветкой. Но все равно, оно оставалось любимым с детства, хоть Мила уже года три точно тут не бывала.

Вику она не сразу узнала. Сначала, обведя взглядом слабо освещенный зал, решила, что подруга запаздывает, а потом услышала знакомый голос:

– Милка! – и увидела машущую из-за спинки дивана руку.

Вика изменилась почти до неузнаваемости. Даже на улице Мила могла бы пройти мимо этой красивой и богато одетой молодой женщины, не узнав в ней бывшую подругу. Раньше у нее была короткая стрижка и волосы чернее воронова крыла. А сейчас мелированные локоны красиво спадали на плечи, искусно подкрашенные глаза мерцали на ухоженном лице. Только вот грусть в

них была такая неподдельная, что вызвала мгновенный испуг. Раньше в этих глазах плясали чертики.

– Ты совсем не изменилась, – улыбнулась Вика и подозвала официантку. – Выпьешь? – посмотрела она на Милу.

– Я не пью.

– А я, пожалуй, выпью. Мартини, двести грамм, пожалуйста. И… кофе? – вновь посмотрела она на Милу.

– Нет, маленький чайник зеленого чая, пожалуйста, – кофе она обпилась на работе.

Официантка ушла выполнять заказ, и за столом повисло молчание. Мила не знала, о чем можно поговорить после стольких лет. По сути, они с Викой стали чужими друг другу людьми.

– Знаешь, – первой заговорила Вика, пока Мила лихорадочно придумывала тему, – я ведь вернулась с того света, – она невесело усмехнулась, а Мила так и вовсе вытаращила глаза, сразу же потеряв дар речи. – Удивлена?

– Нет. Напугана. А как?.. Почему?..

– Когда жизнь висит на волоске, и ты больше там, чем тут, начинается переоценка, – продолжила Вика говорить ровным голосом, не глядя на Милу. Сейчас подруга еще меньше была похожу на ту, что она когда-то знала. Перед ней сидела совершенно посторонняя женщина – внешне молодая, а в душе древняя как мамонт. – Меня чудом спасли, и три дня я пробыла в коме. И знаешь, что мне снилось? – пытливо посмотрела она на Милу покрасневшими глазами, словно собиралась заплакать. От вида чужого горя (а в том, что Вика пережила что-то серьезное, Мила не сомневалась) по коже побежал мороз. – Ты, – улыбнулась она. – Наше с тобой детство. И благодаря этим снам я решила продолжать жить во что бы то ни стало.

– Вик, но что случилось?! Почему тебя… спасали?

История, что рассказала ей подруга, на первый взгляд была стара, как мир. Трагичная до ужаса, но не редкая. Вика встречалась с парнем, и они собирались пожениться. А потом он заболел и умер. Как ни пыталась уговорить себя, жить без любимого было так трудно, что и Вика решила последовать за ним. Наглоталась таблеток, и у нее почти получилось. Но то ли врачи оказались такими хорошими, то ли время ее еще не пришло, но ее откачали.

Только вот историй любви нет похожих друг на друга – это Мила точно знала. Вика любила. Любила так, как, возможно, больше никогда и никого не полюбит. И теперь ее сердце разбито, а она пытается выкарабкаться всеми силами, даже не имея желания жить дальше. Глядя на красивое и грустное лицо подруги, Мила боролась со слезами. И это была не жалость и даже не сострадание, а ужас от той несправедливости, что подкараулила счастье этих двоих и коварно его разрушила.

– Я не смогла жить там, где все о нем напоминает. Вернулась к родителям.

– Да, я знаю. Мама рассказала.

– Мил, ты простишь меня за то, что пропала? – с мольбой в глазах посмотрела на нее подруга. – Ты мне так нужна сейчас.

– Вик, в том, что мы не общались, виновата не только ты, но и я.

Так и есть. Когда жизнь Вики пошла вверх, Мила словно самоустранилась. Никогда не была завистливой, но социальное неравенство чувствовала всегда. Старалась общаться с равными себе. Только вот, права ли она? И так ли это все важно в жизни?

– Ладно, – хлопнула Вика ладошкой по столу, допила мартини и заказала себе добавки. – Теперь ты расскажи, что нового у тебя.

Мила и сама не поняла, каким образом выдала подруге все как на духу. Особенно про Вадима! Ведь о нем никто даже не догадывался! И теперь она сидела и хлопала глазами, глядя на Вику и ожидая ее вердикта.

– На что ты готова, чтобы заполучить его? – без тени улыбки посмотрела на нее подруга.

– Не знаю…

– Мила! – прикрикнула Вика, привлекая к ним внимание. – Спрашиваю еще раз – на что ты готова пойти?

– На все, кроме подлости, – выпалила она и сама испугалась. Она и на все? Не иначе, как она спятила! Да она же даже смотреть на него лишний раз боялась.

– Угу, – кивнула Вика. – И во вторник у вас корпоратив?

– Да.

– Значит, завтра устраиваем шопинг и превращаем тебя в красотку.

– У меня нет денег на…

– У меня есть, и они мне не нужны! – нахмурилась Вика. – Не можешь взять просто так, считай, что даю в долг. Отдашь, когда разбогатеешь.

Глава 3

Вадим

– Доброе утро, Вадим Максимович! – не переставая подкрашивать и без того яркие губы, поприветствовала руководителя Маша – секретарь.

Вадим мазнул по ней взглядом, невольно подмечая все – и чересчур откровенную блузку, больше показывающую, чем скрывающую, и слишком яркие губы и глаза, и эти волосы… так похожие на Катины! Но эта кукла точно не Катя. До Кати ей еще расти и расти, а для начала нужно хотя бы поумнеть.

Воспоминания кольнули душу отравленной иглой, заставляя ее снова кровоточить. Вчера весь вечер он ждал, что она позвонит, скажет, что это был всего лишь розыгрыш. Знал, что этого не случится, и продолжал ждать. Дико хотелось напиться и забыться хоть на время. Но и этого Вадим не мог себе позволить, потому что на утро была назначена важная встреча с заказчиками, которая, кстати, состоится через полчаса уже. Глянув на часы, он кинул:

– Кофе сделай, – и уже направился к кабинету, когда его остановил голос секретарши.

– С молоком или без, Вадим Максимович?

И тут он взорвался, что случалось с ним довольно редко.

– Капучино без кофеина! – прорычал он, оборачиваясь. Маша даже выронила помаду, и Вадим краем глаза заметил, как та покатилась по полу. Но остановиться уже не смог – как говорится, Остапа понесло. – Я тебя хоть раз просил сделать кофе с молоком?! Сколько ты у меня работаешь? Год? Пять дней в неделю по несколько раз ты делаешь мне черный кофе без сахара и через раз спрашиваешь, не желаю ли я кофе с молоком! Сколько можно тупить, Маш? – немного смягчил он тон, когда заметил, что губы девушки начала кривить гримаса истерики. – Запомни уже, какой я пью кофе и больше не задавай глупых вопросов! – и скрылся в кабинете, громко хлопнув дверью.

Как же он был сам себе противен сейчас! По сути, он просто-напросто сорвался на секретарше. Но и она тоже хороша! Видит же, что он не в духе. Или не видит?.. Ах, и какая разница! Наукой будет!

Вадим снял куртку, повесил в шкаф и сел за стол. Надо еще раз просмотреть дополнительное соглашение к договору, все ли поправки учли юристы. Сегодня уже подписание, и подводных камней всплыть не должно.

Черт! Как же хочется спать! Вадим с силой растер лицо в попытке прогнать сонливость и вновь попытался сосредоточиться на документе. И где его кофе?! Он нажал на кнопку селектора и спросил:

– Маш, где мой кофе?

Ответом ему послужила тишина. Тут уж нервы сдали окончательно. Он выскочил в приемную, чтоб убедиться, что от секретарши только и остались, что раскрытая пудреница и подобранная с пола помада. Все это аккуратно лежало на столе, а самой Маши не было. Вот же бестолочь! Делать нечего – пришлось самому возиться с кофемашиной. И когда горячий напиток уже закапал в чашку, вернулась Маша с красными носом и глазами. Вместо того, чтобы пожалеть девушку, Вадим снова разозлился.

– Что непонятного было в моей просьбе? – посмотрел он в упор на секретаршу, стараясь говорить спокойно.

И этой дурехе нет бы хоть что-то сказать, хоть как-то попытаться оправдаться, так нет же – она обиженно поджала губы и преспокойно плюхнулась за свой стол. У Вадима аж в глазах потемнело от такой наглости. Он выхватил из пачки лист бумаги, положил перед девушкой и прижал сверху ее же ручкой.

– Пиши! – велел.

– Что? – посмотрела она на него большими и совершенно глупыми глазами. И как он раньше не разглядел в них дефицит разума!

– Заявление на увольнение. Подпишу без отработки!

В данный момент ему, действительно, хотелось поскорее от нее избавиться. Чтобы духу ее не осталось в приемной, как и приторно-сладкого запаха парфюма, что, кажется, даже в его одежду успел впитаться.

– Но, Вадим Максимович!.. – вдруг появился у девушки голос.

– Пиши! – вновь указал он на лист бумаги и добавил. – Чтоб к приходу заказчиков тебя уже здесь не было!

Взял чашку с дымящимся напитком и скрылся в кабинете. И да, он чувствовал себя сейчас последней свиньей. Но еще больше ему хотелось стереть из памяти образ этой глупой блондинки. До встречи оставалось двадцать минут, и Вадим связался по внутренней связи с отделом кадров.

– Лидия Сергеевна, к вам сейчас придет Мария Кравцова с заявлением на увольнение… Да, все правильно, – терпеливо ответил, дослушав вопрос на том проводе. – Увольте ее без отработки. Заявление подпишу вместе с приказом. Лидия Сергеевна! – чуть повысил он голос. – Это не обсуждается. И займитесь поиском кандидатки на ее место… Ничего, какое-то время справлюсь без секретаря, – добавил вновь после непродолжительной паузы.

Заказчики не опоздали, и встреча прошла как по маслу. Все вопросы обсудили, пришли к согласию и подписали договор. Благо от кофе-чая те отказались, а иначе хозяйничать бы ему самому в приемной. На этот раз Маша оказалась сообразительной девочкой и ушла вовремя, как он и велел. Ну а Вадим мог поздравить себя с новым объектом. Еще бы на душе не было так паршиво, и выпить не тянуло бы с такой силой. Но до вечера ни-ни. Он вообще не понимал тех, кто позволял себе пить на рабочем месте, и сам такое не практиковал, даже по праздникам.

Что поторопился уволить секретаршу, Вадим прочувствовал сразу же. Не иначе, как сегодня был день открытых дверей. С чем и кто только к нему не шли. Документы на подпись, письма на согласование, сметы на утверждение… Обычно все это клали в специальные папки на столе секретаря, а сегодня, видя, что приемная пустует, каждый считал своим долгом отметиться у руководителя лично. Ближе к вечеру Вадим уже начал срываться на людей по малейшему пустяку, и по офису поползли слухи, что у него что-то случилось, настолько серьезное, что отныне он будет злой как собака. Случилось, только вот рычал он не поэтому. Вадим вообще не привык выносить сор из избы и разделял личную жизнь и работу. И с этой проблемой в личной жизни он разберется по-своему. Пройдет время, боль притупится, и сможет нормально жить дальше. Пока же он даже рад был в глубине души, что день оказался настолько загруженным, что думать о плохом было некогда.

На парковке, сидя в машине, до которой смог добраться, только когда выпроводил из кабинета последнего посетителя, Вадим откинулся на спинку сидения и закрыл глаза. По инерции он торопился завести двигатель, немного прогреть ее и рвануть домой. По инерции… потому что привык так делать, особенно в пятницу, когда его ждали два выходных, наполненных нежностью. А что его ждало сегодня? Пустая квартира, наполненная воспоминаниями?

К черту воспоминания! Машина рванула с места, свистя шинами. Виски его ждет дома – вожделенная бутылка, которую он намерен сегодня прикончить.

Напиться до поросячьего визга, как не набирался даже во времена студенческой буйности. Тогда они часто заливались с дружками до самого верха, когда уже не слышишь и не видишь ничего. Клубы, телки, музыка… Наркотой только никогда не баловался – эту дрянь душа его отвергала, да и отцовское воспитание не давало о себе забыть. Батя с малолетства сажал его перед телевизором, когда показывали наркоманов, и заставлял смотреть, запоминать. И он запомнил так хорошо, что даже травку курить никогда не пробовал, хоть и уговаривали не раз.

Лобовое стекло заливало мутной жижей, когда рядом проносился кто-то еще более шустрый, чем он. Как-то резко началась оттепель, а еще вчера держалась зима. Но видно и ей пришлось не сладко. Потеснили так же бесцеремонно, как и его.

Кажется, он окатил кого-то из лужи. Ну и поделом ему или ей – нечего торчать возле самой проезжей части. Впредь будет умнее. Домой, домой! К вожделенной бутылке.

Мила

Встреча с Викой оставила в душе Милы горький осадок. Подруга очень изменилась за то время, что они не виделись и не общались. И перемены были не только внешние, хоть и они тоже. Слушая Вику, Мила не узнавала в ней ту беспечную хохотушку, не в меру любопытную девчонку, которую когда-то знала и очень любила. Вот вроде та и все правильно говорила и советовала, только почему же Мила чем дальше, тем сильнее жалела, что поделилась с подругой сердечной тайной?

– Для начала тебе нужно перестать прятать свою внешность за всей этой серостью, – окинула ее Вика далеко не ласковым взглядом. К тому времени она уже допила второй бокал мартини и заказала новую порцию. У Милы мелькнула мысль, что третий бокал будет уже лишним, и выпивает Вика как-то очень привычно. – Мужчины, особенно состоятельные, клюют на обертку. Да и не только состоятельные, – махнула она рукой.

– Вик, мне бы не хотелось…

– Знаю я, что ты сейчас скажешь, – перебила та Милу. – Что одеваешься так, как тебе удобно, что естественная красота не нуждается в огранке. Но знаешь что? Все это лишь отговорки, рожденные излишней самоуверенностью и глупостью, уж прости. Ты должна измениться, если хочешь, чтобы он тебя заметил.

Вообще-то, Мила совсем другое хотела сказать. Она и сама прекрасно понимала, как скуден ее гардероб, как уныло смотрятся волосы, собранные в хвост и давно не видевшие рук парикмахера. Да и не считала она себя синим чулком, яростно выступающей против той же косметики. Она никогда не выходила из дома без макияжа. Пусть неброского, но освежающего лицо. А сказать она хотела, что не может занимать у подруги слишком крупную сумму денег, что вынуждена ограничиться минимум преображений, а точнее, покупкой вечернего наряда, без которого просто не сможет пойти на корпоратив. Но кажется, в планы Вики не входило ее слушать.

Когда Вика и с третьим бокалом мартини расправилась в рекордно короткие сроки, Миле пришлось сделать вид, что торопится домой. Вика к тому времени уже пустилась в рассуждения на обобщенную тему о мужском коварстве, явно забыв, с чего начался разговор. И тогда Мила поняла, что горе подруги уживается рядом со смертельной обидой. Даже страшно стало от мысли, что обижается она на умершего человека, за то что бросил ее в этом мире одну. Она жалела Вику до слез и всю дорогу, пока провожала ту и возвращалась к себе домой, пыталась избавиться от горького осадка в душе.

Встретиться они договорились в субботу, в одиннадцать. Вика просигналила, когда подъехала к подъезду. Оставаясь верной себе, Мила ждала подругу уже одетая и выглядывая в окно. Пейзаж правда не радовал красками. С утра зарядил дождь со снегом, дул пронизывающий ветер, и небо клубилось мрачными серыми облаками. Не весна, а поздняя осень, ей богу.

Вика выглядела бодрячком, словно и не пила накануне. Всю дорогу до торгового центра она расспрашивала Милу про Вадима. И невзирая на нежелание говорить о нем, Мила была вынуждена отвечать на вопросы подруги. Правда ответы ее были совершенно неинформативными, потому что, как она могла охарактеризовать человека, которым тайно любовалась на расстоянии. Все ее сведения о характере или привычках начальника основывались на кулуарных сплетнях, к которым Мила старалась не прислушиваться и не больно-то и верила. Но кажется, даже этого Вике хватало. Она внимательно выслушивала ответы Милы, иногда хмыкала, временами кривила свои яркие губы и

практически не комментировала, что особенно радовало.

Шопинг Мила не любила. Если и ходила в магазины, то за чем-то конкретным, тратя на поход минимум времени. Она уже заранее настроилась на мучительное таскание по бутикам, бесконечные примерки до головной боли, приторное внимание продавщиц… И была приятно удивлена, когда Вика сразу сообщила, где именно они выберут для нее платье, в какой бутик отправятся за туфлями и показала салон, в котором продавалась самая стильная бижутерия. От последнего Мила хотела решительно отказаться, но снова ее даже не стали слушать. Вика так и заявила, что только дилетанты недооценивают значение бижутерии, как завершающих штрихов образа.

Через час они уже загружали в машину Вики пакеты с покупками. Следующим пунктом программы по преображению подруга наметила салон-парикмахерскую. Там пришлось задержаться подольше, потому что длинным волосам Милы не только придали форму, но еще и изменили цвет. Если раньше они у нее были просто светло-русыми, то теперь отливали молочным шоколадом. Вроде бы цвет изменился самую малость, но вкупе с новой стрижкой волосы смотрелись шикарно. Даже карие глаза Милы, которые она всегда считала самыми обычными, теперь казались ярче и больше.

Выходя груженая из машины Вики возле своего подъезда, Мила чувствовала себя солдатом, прошедшим строгий отбор в десантники. И напутственная речь подруги, что она все обдумает и накидает дальнейший план действий, явилась заключительным аккордом этого странного дня.

В воскресенье вечером Вика позвонила Миле на мобильный.

– Привет, подруга! Как настроение?

– Как обычно перед началом рабочей недели, – вздохнула Мила.

На вечер воскресенья обычно выпадало сразу столько дел. Не то, чтобы она специально все их откладывала на этот момент, но так получалось как-то само собой. И почему нельзя было сестренку искупать в субботу, например, а не в воскресенье вечером, она и сама не знала. Или глажка одежды… Сашке – рубашки, Ленке – платья, мамины халаты – все это она делала прямо сейчас, держа в руке утюг и прижимая плечом телефон. А еще и себе нужно было

приготовить одежду на завтра.

– Не о том думаешь и не так! – отчитала ее Вика. – Ну да ладно, к новой жизни еще нужно привыкнуть, а у тебя она еще даже не началась, – теперь в голосе подруги слышалась усмешка. – Хочешь поближе познакомиться со своим принцем? Авансом, так сказать?

– Ты о чем? – Мила перестала понимать подругу и намеки той ей не нравились.

– Ну раз ты о нем ничего не знаешь, пришлось выяснять по своим каналам. Так сказать, нарыла маленькое досье.

Мила даже представить себе боялась, про какие такие каналы говорит Вика, но и спросить не решилась.

– Так и вижу тебя – побледневшую и испуганную, – вновь усмехнулась подруга. – Да не волнуйся ты так сильно – ничего криминального я не нарыла. Единственный сын и наследник огромного состояния. Отец – генеральный директор ООО «Меркурий», владелец контрольного пакета акций. Объекты по всей стране и даже за рубежом. Заказчики выстраиваются в Меркурий в очередь, потому как репутация у него высокая и известная в широких кругах. Сама понимаешь, что выиграть тендер с такой репутацией – пара пустяков. Ежегодный доход не ограничивается даже шестью нулями. Да-да, подруга, я тебе все это специально говорю, чтоб не думала, что работаешь в какой-то там фирмешке, а нацелилась на руководителя среднего звена. Твоя цель – почти королевских кровей, и постараться тебе придется на полную катушку.

Да разве ж это ее интересует?! Мила слушала подругу, и у нее в голове никак не укладывалось, что говорит та сейчас про Вадима, ее Вадима – с очаровательной улыбкой и самыми красивыми в мире глазами. Да будь он хоть без гроша за душой, она все равно обратила бы на него внимание. Или нет? Тут Мила всерьез растерялась, но тут же обругала себя, а заодно и Вику, что та пудрит ей мозги чужими доходами, тогда как ее интересует конкретный мужчина, а не его деньги. Да, деньги тут не при чем, разве что теперь ей еще страшнее будет смотреть на него, зная все это.

– …Мать семейства – богемная личность. Художница, значит. Благодаря деньгам мужа, она не плохо известна, но в узких кругах. Тем не менее, регулярно

устраивает выставки с привлечением прессы. В общем, наверняка ты ее не раз видела на обложках журнала, просто даже не подозревала, что это и есть королева.

Надо же! Мама Вадима – художница! Мила всегда восхищалась людьми, которые умеют переносить фантазии на холст. Можно даже сказать, что она им завидовала тайно. Саму ее природа не одарила художественным талантом, но тут она рассуждала философски, что каждому свое. Зато она лучше всех чертила в школе. И с математикой у нее не было проблем. Ну и семь лет она отучилась в музыкальной школе по классу фортепиано. Мила и сейчас частенько играла на пианино, чтобы не растерять навыки. Кто-то пишет картины, а она обожает музыку.

– Перехожу к самому главному – нашему объекту, – в этом месте Мила снова скривилась. Ну разве можно так называть самого идеального мужчину в мире? – С твоего позволения, школу, учебу в институте я опущу. Ничего выдающегося, кроме того, что Вадим твой достаточно образован, в этом нет. А вот личная жизнь его мне показалась интересной. И знаешь что? – замолчала она.

– Вик, что?! – взмолилась Мила, когда пауза затянулась. – Говори уже!

– А то, что сейчас самый подходящий момент для его охмурения! – торжественно проговорила подруга на том конце провода. – Пару дней назад он расстался со своей пассией, с которой миловался больше года. Поговаривали даже, что все у них идет к свадьбе. Шло, вернее… А теперь все – свободен, как… Ну ты поняла.

Расстался с девушкой? Мила, конечно, и не надеялась, что такой парень, как Вадим, никем не занят. Да и не видела она себя рядом с ним никогда, разве что в самых смелых фантазиях. Но как-то и про его возможную девушку она никогда не думала. Интересно, почему они расстались? Хотя, нет, не интересно, это ее точно не касается.

– Ладно, не буду больше тебя грузить. Занимайся своими делами. Завтра на работе чтоб была тише воды, ниже травы. В пять заеду за тобой – получишь четкие инструкции по поводу корпоратива.

Мила даже не успела поблагодарить подругу, как та отключилась. Снова вернулось ощущение, что она – солдат на плацу, которому забыли дать команду

«вольно». И опасения не заставили себя ждать, заползая в душу коварной змеей. Что же теперь будет? И не лучше ли закончить все прямо сейчас, пока она не успела ничего натворить под руководством такого командира?

Глава 4

Мила

В понедельник утром Мила впервые прониклась мыслью, что пусть и только по календарю пока, но уже наступила весна. Ярко светило солнце, причем не просто светило, а и грело, лаская кожу. Вчерашние лужицы затянулись тонкой корочкой льда, который приятно хрустел под подошвами ботинок. Мила с детства любила наступать на такие вот лужицы и ломать тонкий лед. Конечно же, и сегодня она не отказала себе в этом удовольствии, да и утро выдалось размеренное, без суматохи. К работе она подъезжала с приличным запасом времени и могла себе позволить прогуляться от остановки, подставляя лицо солнцу.

Еще было так рано, что даже парковочная площадка практически пустовала. Минут через пятнадцать тут уже с трудом можно будет найти место, но и сейчас были такие, что приехали еще раньше Милы на работу, и их машины красовались на стоянке, блестя перламутром под солнцем. Один такой блестюнчик и привлек внимание девушки. А подойдя ближе, она и номер смогла прочитать. «М 777 ММ» – вон он тот, кто испортил ее сумочку. Мила с сожалением посмотрела на аксессуар в своих руках. Конечно, от пятен она избавилась, но вид сумка потеряла – уже не смотрелась гладкой и бархатистой, как и не выглядела новой.

Мила затормозила напротив машины, гипнотизируя взглядом капот, словно ожидая, что на нем проступит порочащая надпись: «Осторожно! За рулем неадекватный водитель!»

– Синица, тут не автосалон, – раздался знакомый голос, а потом и сам Вова поравнялся с ней. – Если интересуют Ауди, могу помочь выбрать. У меня как раз приятель продает такие вот красавицы.

– Привет, Вов! – отчего-то смутилась Мила и решила уже продолжить путь, но потом передумала и спросила: – Не знаешь, кто хозяин этой машины?

– Ну ты даешь, синица! – присвистнул он. – Не только руководителей нужно знать в лицо, но и их тачки. Сам царь прибыл на ней ни свет ни заря, сам Кожевников младший.

– Вадим? – удивилась Мила.

– Ну для кого Вадим, а для кого-то и Вадим Максимович, – хохотнул младший конструктор и сразу посерьезнел. – А для меня так просто мудак.

– Почему? – посмотрела на него Мила. Не замечала она раньше за другом такой категоричности.

– А ты не знаешь?

– Не знаю, что?

– Ну как он Машку уволил за пять минут? А еще через полчаса ее даже рассчитали. И это наша бухгалтерия!

Что он хотел сказать последней фразой, Мила так и не поняла. Все ее общение с бухгалтерией сводилось к получению аванса и зарплаты в окошке кассы, два раза в месяц. А про то, что Вадим уволил секретаря она слышала сегодня впервые. И что можно на это ответить сейчас, не знала.

– Ну что, так и будем стоять тут и взирать на тачку, как на алтарь с редкими дарами? Пошли уже, синица, в тепло! – подхватил ее Вова под руку и потащил к входу в здание.

Ну да, несмотря на солнце, все же на улице было прохладно. И ноги Милы в демисезонных ботинках начинали замерзать.

– Вов, а за что он Машу уволил? – вернулась Мила к интересующей ее теме, пока они ждали лифта. Благо, в это время они были единственными пассажирами, и холл пустовал.

– Понятия не имею, – пожал он плечами. – Девчонки говорят, что кофе она ему не принесла по первому требованию. По мне, так это вообще дикость какая-то. Машка, конечно, глуповата была, но все равно как-то – вышвыривать человека не улицу, вот так вот… Да и бог с ней, синица! Ты лучше скажи, что сделала с собой? Почему это я сегодня глаз от тебя отвести не могу? – расплылся он в широкой улыбке, которая стала еще шире от вида румянца на щеках Милы.

– Просто, в парикмахерскую сходила, – провела она рукой по волосам и смущенно отвернулась. Она и сама сегодня в очередной раз залюбовалась их цветом, глядя на себя в зеркало.

– Ну это я заметил еще на стоянке. Классная прическа, тебе идет! А с глазами ты что сделала?

– Ничего, – оторвалась Мила от разглядывания дверей, которые в этот момент как раз распахнулись, впуская их внутрь.

– Тогда, почему они как яхонты горят? Кстати, откуда это?

– Есенин, – улыбнулась Мила.

Она любила стихи этого поэта, особенно его цикл «Любовь хулигана». Все они находили отклик в ее романтической душе. Многие строки даже заучивала наизусть.

– Молодец мужик! Умел про глаза писать…

– Это не про глаза! – рассмеялась Мила. – А про любовь, – тише добавила и процитировала: – «И ответил мне меняла кратко: О любви в словах не говорят. О любви вздыхают лишь украдкой, да глаза как яхонты горят».

Вова демонстративно вздохнул, как можно громче, и оба они рассмеялись как раз в тот момент, когда дверцы лифта разъехались в стороны. Так, хохоча, они и выскочили из лифта. Вот за что Мила любила этого весельчака – за то, что он неизменно действовал на нее, как антидепрессант, одним своим видом повышал настроение. Если бы в этот момент Мила обернулась, то заметила бы, что за ними наблюдают. И наверное, ей сразу же перехотелось бы смеяться от той

маски презрения, что застыла на лице Вадима, смотрящего вслед удаляющейся паре. Но она не оглянулась, и отличное настроение продержалось весь день. Следуя строгим наставлениям подруги, Мила весь день сидела тише воды, ниже травы. Кабинет покидала только в крайних случаях, по поручению руководства и в обед. А вечером их всех собрал ВВ и торжественно сообщил:

– Милые дамы, – таких в их большом отделе трудилось ровно пятеро (два ведущих конструктора – дамы предпенсионного возраста, Светлана Викторовна – заместитель начальника отдела и мать пятерых!!! детей, Влада – младший конструктор, выпускница архитектурного института и довольно амбициозная натура, с которой у Милы не складывались отношения, и сама Мила) – все вы знаете, что завтра мы вас чествуем в торжественной обстановке. Банкет проводится в ресторане «Итальянские грезы», начало в 17.00. Все вы должны быть неотразимы! А потому я взял на себя смелость освободить вас завтра от работы. Отсыпайтесь, отдыхайте, но не наедайтесь. Ровно в пять ждем вас в ресторане. Явка строго обязательна! Как говорится, мероприятие добровольно - принудительное, – расплылся он в улыбке, что было большой редкостью на лице этого строгого, но в общем-то, справедливого мужчины. – А сейчас, марш по домам – готовить наряды!

– Подкинуть тебя до дому, синица? Мне сегодня как раз в твою сторону, – предложил Вова.

Такое случалось очень редко, потому что младший конструктор почти каждый день задерживался на работе, тогда как Мила торопилась уйти вовремя. Правда, со вчерашнего дня мама торжественно освободила ее от похода по вечерам в детский сад. Сказала, что теперь Лену они будут забирать по очереди с Сашкой. Но составить компанию Вове сегодня все равно не получится.

– За мной заедут, Вов, – вспомнила она, что в пять ее должна ждать Вика. Отчего-то настроение сразу поползло под гору. Опасалась Мила очередных наставлений подруги.

– Ладно, синица, жду тебя тогда завтра в ресторане. Буду приставать, уж не обессудь, – развел он руки в стороны, всем своими видом говоря: «Вот такой я – Казанова».

– Приставай! – рассмеялась Мила и треснула его сумочкой на выходе из кабинета.

Желтый фольксваген подруги она заметила издалека. Вика оказалась пунктуальной. Распрощавшись в Вовой до завтрашнего вечера, Мила бодро зашагала к машине, стараясь не думать о плохом и пытаясь продлить удовольствие от сегодняшнего дня.

– С кем это ты обжималась на крыльце? – вместо приветствия спросила Вика.

– Это Вовка – работаем вместе, – глянула Мила в окно на отъезжающую со стоянки машину друга.

– А ты со всеми, с кем работаешь, обнимаешься? – уточнила Вика, не смотря на нее, а тоже провожая машину Вовы взглядом.

– Он просто друг, Вик, и отличный парень, – вздохнула Мила.

– Ладно, проехали… – Вика завела мотор и плавно тронула машину со стоянки. – Во сколько завтра сбор?

Мила рассказала подруге последние новости, что на завтра у нее отгул, а в пять нужно быть в ресторане.

– Какой у тебя хороший начальник! – похвалила подруга. – Значит так, прибыть в ресторан ты должна в начале шестого, опоздать минут так… на десять, больше не нужно, – прикинула она что-то в уме.

– Вик, я не люблю опаздывать, – заикнулась было Мила.

– И не люби, я тебя заставляю что ли?! Но завтра так надо! – бросила та на нее многозначительный взгляд. – Ты должна с порога привлечь к себе внимание.

И сгореть со стыда, когда взгляды всех будут устремлены на нее, – подумала Мила, но спорить не стала. Надо, так надо.

– Это обязательный пункт плана, поняла? – пристально посмотрела на нее подруга.

– Да, поняла, поняла, – вновь вздохнула Мила.

– Я вчера всю голову сломала, придумывая что-то, что ты точно сможешь, – нахмурилась подруга. – Была бы ты другой…

– Какой, Вик?! – возмутилась Мила. – Я такая, какая есть!

– Вот именно! Вот именно, – зачем-то повторила Вика. – Слишком серьезная и скромная, а замахнулась вон на кого!

– Вик, я ведь тебя ни о чем не просила. И я не хочу…

– Помолчи! – беззлобно оборвала ее подруга и улыбнулась почти по-человечески, не только губами, но и глазами. На миг Мила узнала в ней прежнюю Вику. – Не волнуйся, не буду я заставлять тебя танцевать джигу на столе или напиваться и хохотать в пьяном угаре. Да и пошло это, согласись. А нам нужно действовать с умом и попасть в поле зрение твоего красавца, заставить его обратить на тебя внимание. И лучшее, что ты можешь сделать, – флиртовать на его глазах с другим, так, чтобы он это заметил. Как насчет друга и отличного парня?

– Вовы? – догадалась, о ком речь, Мила. – Ты хочешь, чтобы я флиртовала с Вовой?

– Ну да… А что, он не дурен собой, даже симпатяга, можно сказать. Кажется, тайно влюблен в тебя, ну или на пути к этому. Нужно воспользоваться этим.

– Я не смогу.

Не смогу и не захочу, – добавила про себя Мила. С Вовкой так нельзя – он друг. Да и не умеет она этого.

– Сможешь, – уверенно кивнула Вика, – и тебе даже не придется для этого забираться к нему на колени. Просто смотри ласково, говори доверительно, оказывай знаки внимания… В общем, включи в себе женщину. Пригласи его

танцевать. Танцуй так, чтоб на вас смотрели. Сексуально, то есть, понимаешь?

– Вик, вряд ли это поможет. Руководство будет сидеть за отдельным столом. У них будет свой банкет, и на нас они не обратят внимания.

Хоть Мила и не была ни на одном корпоративе раньше, но по рассказам знала, как они обычно проводятся. Руководители поздравляли подчиненных, и у них начинался свой праздник. Тут главное было, чтоб никто не напился и не начал буянить.

– Просто делай так, как я говорю. И все! Тебя заметят, будь уверена, – растянула подруга губы в улыбке, а Миле вдруг захотелось заплакать. Бедный Вовка – еще и ему достанется завтра. – А теперь самое главное.

– Это еще не все? – перепугалась Мила.

– Все, если хочешь, чтобы твой Вадим забыл тебя уже через пару дней, если не на следующий. Когда он будет выходить курить…

– Кажется, он не курит, – перебила ее Мила. Или курит? Этого она с уверенностью не могла утверждать. Но в курилке его не видела ни разу.

– Ладно, – согласилась Вика, – может и не курит. Но он обязательно захочет выйти, подышать воздухом. Вот тогда ты тоже должна выйти, поняла?

– Зачем?

– Подышать воздухом и оказаться у него на виду, – терпеливо пояснила подруга.

– Ох, не нравится мне все это. Да и не получится у меня ничего, – вздохнула Мила, чувствуя себя столетней старухой.

– Не получится, придумаем что-нибудь другое, не волнуйся. Но лучше корпоратива возможность вряд ли представится, а поэтому ты обязана ее использовать и сделать все, что в твоих силах. Усекла?

– Я постараюсь.

– Старайся на пятерку, а не на слабенькую троечку.

Они подъехали к дому Милы.

– Завтра я не смогу прийти и помочь тебе со сборами. Вечер занят. Не забудь, что я говорила тебе про макияж… И на вот, это подарок, – протянула Вика ей какую-то коробочку.

– Что это? – повертела Мила в руках коробочку, догадываясь о содержимом.

– Духи. С феромонами… Не забудь завтра нанести на локтевые сгибы и запястья и немного сбрызни на волосы. Мужики от таких запахов дуреют. И удачи тебе, подруга! – серьезно посмотрела на нее Вика.

В удачу Мила не верила и на корпоратив идти уже боялась. Одно немного успокаивало, что подруги там не будет. И если уж Мила не сможет вести себя так, как та велит, то и поругать ее будет некому.

Вадим

Вадим распахнул дверь в приемную и застыл на пороге. Взгляд его упал на стол, заваленный бумагами, и захотелось резко ослепнуть. Сам виноват, дурак! Нет, он не пожалел ни на минуту, что уволил нерадивую и дерзкую секретаршу. Но вчера, когда дверь в его кабинет практически не закрывалась, под вечер он озверел окончательно. Созвав начальников подразделений на экстренное совещание, на повестку он вынес единственный вопрос – чтобы никто больше не смел переступать порог его кабинета без приглашения, а все бумаги оставляли на секретарском столе. Мог ли он догадываться тогда, что за вечер их скопится столько, что утро его будет отравлено окончательно. И ведь он специально приехал пораньше, чтоб разобрать завал!

– Черт! – выругался он. – Черт! – повторил, не переставая буравить взглядом заваленный стол, а потом выскочил из кабинета, как тот черт из табакерки.

Вадим не сомневался, что Лидия Сергеевна – начальник отдела кадров, уже на месте. Она сама не раз рассказывала, смеясь, что в ее возрасте уже не спится, что дети выросли, а внуков ей доверяют только по выходным и праздникам, и

что чем скучать в четырех стенах квартиры, уж лучше она потрудится на благо их общего дела.

Заливистый смех заставил замереть его на месте и посмотреть на хохочущую парочку, выпорхнувшую из лифта. Так странно было видеть кого-то веселыми, тогда как он периодически впадал в неконтролируемую ярость, как вот сейчас, например. От этой ярости у него даже руки дрожали – в замочную скважину ключом попал не с первого раза. А они смеются!.. Парень что-то шепчет девушке на ухо, приобнимая за плечи, а она аж взлететь готова на крыльях счастья. И даже со спины они кажутся такими счастливыми и беспечными. Неприлично счастливыми! Слишком откровенно довольными жизнью!

Вадим гипнотизировал злым взглядом спины парочки, пока те не скрылись, кажется, в конструкторском отделе. Вот, значит, где выдают счастье щедрыми порциями? И куда испарилось его счастье?

Вечер пятницы прошел именно так, как он и запланировал. Едва переступив порог дома, Вадим достал виски из бара и уже не расставался с бутылкой, пока не увидел ее дно. Правда видел к тому моменту он уже плохо, а соображал еще хуже. В субботу утром он продолжил начатое в пятницу, и на этот раз бар его опустел еще почти на две бутылки. Напивался в свой первый выходной Вадим со знанием дела. Чтоб не травануться, организовал себе даже плотную закуску. Задвинул тяжелые портьеры на окнах, отключил телефон, наполнял бокал за бокалом и выпивал мелкими глотками, чувствуя, как крепкое пойло выжигает мысли из головы с каждым глотком. Хватило его до обеда. Именно в это время мозг Вадима отключился, и сам он повалился на диван, так и не дотянувшись до очередного стакана.

Пробуждение сопровождалось ледяным душем. Похмельный мозг никак не хотел фокусировать взгляд на лице отца, что склонился над Вадимом и поливал его из чайника. А когда тот открыл глаза, взял его за грудки и усадил на диване, подоткнув с двух сторон подушками для надежности.

– Не знал, что мой сын алкаш. Причем пьет в одно рыло! – грубо выплюнул Максим Кожевников, опускаясь в кресло напротив сына и брезгливо осматривая захламленный стол.

– Твой сын тоже об этом не знал, – произнес Вадим и тут же застонал, схватившись за голову. Ему даже на миг показалось, что она раскололась на несколько частей, и теперь он уже никогда не соберет их в одно целое и думающее.

Отец встал и на короткое время исчез из поля зрения сына. Вернулся он со стаканом воды и таблеткой.

– Пей! – сунул все это сыну в руки. Никогда еще отец не разговаривал с Вадимом в таком тоне. Он даже и не знал, что тот способен на подобную жесткость.

Голова болела адски, и он готов был выпить пачку таблеток или еще чего, чтобы боль хоть ненадолго отступила.

– Слушай внимательно! – вновь заговорил отец, и Вадим был вынужден опять сфокусировать на нем воспаленный взгляд. – Хочешь пить, пей, только так ты Катерину не вернешь. А сопьешься уж наверняка. Да и ты любым другим способом ее больше не вернешь.

– Откуда такая уверенность? – не то чтобы он собирался бороться за свою любовь. Уже тогда, в ресторане, Вадим понял, что Катя приняла окончательное решение. Да и не из тех она была девушек, что поступают сгоряча. Наверняка думала и долго.

– Факты, сын, – уже спокойнее ответил отец. – Она ушла к другому мужчине, с которым встречается уже почти два месяца. У них все серьезно, – повысил он голос, когда Вадим попробовал возразить, что быть такого не может. – Мои источники не врут, и ты это отлично знаешь. Информация проверена. И у тебя есть два пути: опуститься на дно, пестуя свои обиды, или продолжать нормально жить. Второй путь сложнее и требует определенных усилий. Но и ты не тряпка, по крайней мере, не таким я тебя растил и желал видеть. Думай, сын.

Больше отец ничего не сказал, как и не задержался в гостях у Вадима. Проводив родителя взглядов, Вадим снова завалился на диван и на этот раз проспал почти до обеда воскресенья. А когда проснулся, восстановил в памяти разговор с отцом с точностью до слова. А ведь он прав! Но и Вадим не собирался разрушать свою жизнь, только вот оправдываться не было желания, да и не позволили бы ему. Пьянка была попыткой притупить боль, и окончилась она провалом. Теперь

Вадим точно знал, что поможет ему только время, которое лечит, как говорят в народе.

Первым делом он помылся и плотно пообедал. Потом навел порядок в комнате и принялся складывать в коробку все, что хоть как-то могло напомнить ему о Кате. Раз ее больше нет в его жизни, то и воспоминания ему ни к чему! Как там говорят? С глаз долой из сердца вон? Вот в этом направлении и нужно двигаться. Даже сережки, что купил ей накануне разрыва, он положил в коробку. Выбрасывать ничего не стал, а отправил на адрес ее родителей, куда предположительно и съехала девушка. Собственного жилья, насколько Вадим знал, у Кати не было. Все! Теперь если что-то и окажется на помойке, то ни он это туда вынесет. У него бы рука не поднялась.

Но злость не проходила. Она отравила ему остаток выходных. Она же погнала на работу ни свет ни заря в понедельник. А пустая приемная и вид заваленного бумагами стола только подлили масла в огонь.

Вадим еще какое-то время стоял в коридоре и смотрел на дверь, закрывшуюся за смеющейся парой. Он боролся с желанием войти следом и вытряхнуть из них эту радость или заставить их насильно поделиться той с ним. Пока не осознал, насколько диким даже ему самому кажется это желание. Вот тогда он отправился в отдел кадров.

– Лидия Сергеевна! Почему у меня до сих пор еще нет секретаря?! – спросил он с порога, напрочь забыв о правилах вежливости.

– И тебе, Вадик, доброго утречка!

Крупная женщина с пышной копной седых волос отложила бумаги, которые и просматривала в данный момент, сняла очки и встала из-за стола. Пока она пересекала довольно просторный кабинет, Вадим успел устыдиться и своего рассерженного вида, и сути проблемы. Нельзя так себя вести. Особенно с Лидией Сергеевной, которая знает его практически с детства и в фирме отца работает… сколько? Да уж, наверное, не меньше пятнадцати лет. А он врывается в ее кабинет, да еще и орет, как потерпевший.

Пока он подбирал слова и боролся с нежеланием извиняться, женщина добродушно улыбнулась, подхватила его под руку и проговорила:

– Давай-ка, Вадик, я тебе кофейку налью, и мы спокойно поговорим.

О! Кофе сейчас был бы очень кстати! Вадим привык его пить на работе много и часто, а вот готовить напиток самому как-то не получалось.

– Лидия Сергеевна, назреет катастрофа, если у меня сегодня же не появится секретарь, – уже спокойно сказал Вадим, когда они сидели за столом, и перед каждым дымилось по чашечке кофе.

– Ну, Вадим, я не волшебница и так быстро подобрать подходящую кандидатуру не смогу, – развела руками кадровичка. – Поторопился ты с увольнением.

Вадим скривился, но спорить не стал. Он и сейчас не жалел, что уволил Кравцову.

– Дайте мне одну из своих девочек. На время, – осенило его. Насколько он знал, в отделе кадров трудилось четыре человека, не считая начальника.

– Не могу, Вадик. У каждой из моих сотрудниц серьезный участок работы, и взваливать что-то дополнительно на их плечи я не хочу и не буду.

– Но что же мне делать?! – сунул он пятерню в волосы, как делал всегда в минуты волнения.

– Вот что, Вадик. Потерпи как-нибудь уж пару дней. А после праздника я обещаю, что у тебя будет секретарь. Кстати, насчет праздника. Надеюсь, личные проблемы не помешают тебе пойти в ресторан завтра? – она внимательно заглянула в его глаза. Вадим же подумал, каким образом сплетни так быстро разносятся по офису? – Мне позвонил Максим Юрьевич и попросил приглядывать за тобой, – улыбнулась женщина, угадав его мысли. – Так что?..

Он и забыл о праздновании женского дня. И конечно же, никуда идти ему не хотелось. Но поступить так он не мог себе позволить, потому что даже отец с матерью обещались быть в ресторане. Ну а он должен был лично поздравить сотрудниц с праздником.

– Я буду, – кивнул он и встал из-за стола. Кофе был вкусным, заглотил он его с удовольствием и пора было приступать к работе.

– Я передам по внутренней связи, чтоб без крайней необходимости сегодня и завтра тебя не беспокоили, – догнал его голос Лидии Сергеевны еже в дверях. – Ну а уж срочные вопросы, не обессудь…

И на том спасибо!

Возвращаясь обратно и поравнявшись с конструкторским отделом, Вадим снова вспомнил смеющуюся пару и вновь ощутил укол зависти. Он завидовал им и тоже мечтал о возвращении беспечности. Но сначала ему нужно было побороть в себе злость.

Глава 5

Мила

Мила рассматривала себя в зеркале и не понимала, нравится ли ей та нарядная девушка в отражении или пугает та роковая красавица, какой девушка временами казалась.

Черное двуслойное платье, что выбрала для нее Вика, Миле безумно нравилось. Ажурная ткань ложилась на более плотную и свободно струилась по фигуре, немного не доходя до колен. Короткий рукав едва спускался от плечевого шва, ровно настолько, чтоб подчеркнуть форму плеча. Опять же, удовлетворял ворот – почти под горло, едва приоткрывающий ключицы. Кружевная ткань поблескивала в свете лампы, и казалось, что она отливает волшебством. Платье выглядело безумно элегантным именно в своей строгости. И чувствовала себя в нем Мила уверенно.

К платью Вика подобрала стального цвета лодочки на небольшом каблуке. Мила ничего не имела против и каблука повыше. Она умела их носить и любила. Но и тут подруга была категорична, заявив, что для танцев шпилька не годится, а на танцах она настаивала и повторила несколько раз, что Мила обязательно

должна показать себя на танц поле. Ладно, эту проблему она будет решать на месте, пока об этом даже не думалось, а стоило задуматься, становилось страшно.

Волосы Мила выпрямила утюгом и оставила свободно спадать на плечи. В ушах мерцали серьги-гвоздики с крупными гранеными кристаллами от Сваровски, а шею украшало колье из таких же камушков. Оно аккурат ложилось на вырез платья, зрительно удлиняя шею. Глаза она по совету все той же Вики на этот раз подвела чуть ярче, а губы едва тронула светло-розовым блеском. И теперь вот рассматривала свой новый образ, не понимая, как к нему относится.

– Ма-а-ать, ты только глянь! – раздалось от двери. Мила так увлеклась созерцанием, что и не заметила, как в комнату заглянул Сашка.

– Тише ты! – цыкнула на него сестра, но было уже поздно. На зов сына явилась и мама. Хотя, та все равно бы увидела дочь в таком образе рано или поздно. Хорошо хоть Ленка была еще в саду, а то, как говорится, вся семья в сборе.

– Какая ты у меня красивая! – всплеснула руками мама, подходя ближе и осматривая дочь. И сказала она это так, будто раньше и не замечала, что внешность у дочери в общем-то ничего – симпатичная. И можно было бы обидеться, но кто ж обижается на родных и любимых. Да и мама выглядела так трогательно в этот момент, что Мила едва не прослезилась. – Дочь, а когда ты купила это нарядное платье?

– Недавно, мам. Вика помогала выбирать…

– Ну и Викуши есть вкус, есть, – согласно закивала мама.

После того, как Мила рассказала ей историю подруги, мама причислила ту чуть ли не к лику святых. Она так прониклась чужим горем, что даже проплакала весь вечер. Мила тоже жалела Вику, но все же не могла избавиться от чувства, что горе ту ожесточило и изменило до неузнаваемости.

Она глянула на часы и поняла, что если прямо сейчас не вызовет такси, то опоздает в ресторан больше, чем на регламентированные десять минут. Благо, мама уже ушла, пожелав ей хорошо повеселиться. Зато вернулся страх и, как следствие, мандраж. Чего конкретно боялась, Мила и сама не знала. Ведь

заставлять ее что-то делать против воли никто не будет. И все равно, нехорошие предчувствия терзали душу всю дорогу до ресторана. А еще и ноги мерзли в туфлях, которые она решила не переобувать. В преддверии женского праздника снова вернулась зима. Тучи заволокли небо, и сыпал мелкий снег. На платье Мила накинула пальто, которое тоже слабо согревало. Но не в пуховике же идти, честное слово.

Таксист вошел в положение и высадил Милу возле самого входа в ресторан, нарушив правила и заехав в пешеходную зону. Ресторан окружал небольшой парк из насаженных деревьев, который пока еще смотрелся довольно уныло, даже несмотря на неоновую подсветку входа. Зато летом, наверное, тут очень красиво и живописно. Вон, и фонтан имеется. Мила невольно представила журчание воды и буйство зелени вокруг. И почему восьмое марта не летом?

Как же у нее вибрировали коленки, когда сдавала пальто в гардероб, прихорашивалась возле зеркала в пустующем холле, лишь бы оттянуть время, когда нужно будет подняться на второй этаж и войти в большой зал, где все уже, наверное, были в сборе. Да еще и взгляд зацепился за часы, и Мила поняла, что опоздала она на сорок минут. Целых сорок! А все потому, что такси пришлось ждать гораздо дольше, чем предполагала.

В большой зал вели резные белые двери. Мила уже прикоснулась к ручке, борясь с оторопью, когда в сумке завибрировал мобильный.

– Синица, ты где ходишь? Скоро уже поздравлять начнут, – раздался недовольный голос Вовы, когда она радостно выхватила трубку и ответила на звонок, лишь бы еще подольше отодвинуть волнительный момент. – Только не говори, что не придешь, – заранее расстроился парень.

– Я уже стою у дверей, – полушепотом проговорила Мила, зачем-то прикрывая трубку рукой. Мера была лишней, потому что холл второго этажа также пустовал, как и весь первый.

– Все! Иду навстречу, чтоб не заблудилась! – бодро проговорил Вова и отключился.

Выдох облегчения вырвался из груди Милы, хоть такой поворот и не был запланирован. Плевать на планы! Зато теперь она точно не споткнется и не

грохнется на пол под сотней пар глаз.

Мила смело распахнула дверь как раз в тот момент, когда с противоположной стороны к ней подлетел Вова. Она сначала и не поняла, почему тот резко затормозил и уставился на нее большими глазами. И лишь когда он присвистнул, окинув ее нахальным взглядом с головы до ног и привлекая-таки к ним всеобщее внимание, Мила еле сдержалась, чтоб не треснуть его клатчем по голове. Она видела, как повернулись в их сторону головы, но, слава богу, понятия не имела, за каким столом Вадим, а найти его взглядом побоялась.

– Синица, ты!.. Ты такая!.. Волшебная! – выдал Вова и церемонно подставил ей локоть. Ничего не оставалось, как принять предложение и гордо прошествовать к столу, практически ослепнув от волнения.

Немного осмотреться Мила смогла, когда уже удобно устроилась на стуле. Рассаживали гостей тут по тому же принципу, по какому они и работали. За их столом собрались все из конструкторского отдела, кроме ВВ. Тот сидел за «генеральским» столом, на который Мила пока боялась смотреть. Разве что бросила украдкой пару взглядов. Но и этого хватило, чтобы увидеть Вадима, замереть от сердечного кульбита и лишь потом разглядеть генерального директора «Меркурия» и его супругу. Их Мила видела не первый раз. Отец Вадима частенько появлялся в офисе, а мать тоже заходила пару раз, и Миле повезло ее узреть. Тогда эта женщина ей показалась очень необычной, какой-то летящей. Она и сейчас так выглядела, рассматривая гостей и зал с легкой улыбкой на губах. Вадим не смотрел ни на кого и был занят разговором с отцом. Возможно, он и не заметил ее появления.

– Что пить будешь, синица? – отвлек ее от созерцания Вова.

Мила окинула взглядом стол и поняла, что спиртное тут представлено в широком ассортименте. И шампанское, и коньяк, и водка, и вино… Страшно было представить, до какой кондиции дойдут некоторые к концу вечера. Правда, и от закусок стол ломился. На устройство банкета явно не поскупились. И это радовало.

– Шампанского, – решилась Мила. Пить она не любила и почти не практиковала. Но сегодня и на этот счет получила четкие инструкции от подруги – для настроения она обязана была пропустить пару бокалов. И шампанское ей

показалось самым безобидным из напитков.

Не успел Вова произнести тост, как самый активный и красноречивый за их столом, как раздался голос, усиленный микрофоном.

– Внимание, дорогие гости! – говорила Лидия Сергеевна – начальник отдела кадров. Мила общалась с ней пару раз, и эта женщина ей нравилась. – Все мы знаем, по какому поводу сегодня собрались здесь – чтобы поздравить нас, самых красивых, любимых и просто замечательных, – рассмеялась она. – Не то чтобы я взяла на себя роль тамады, а просто хочу пригласить на эту импровизированную сцену (она стояла на небольшом выступе в полу, не понятно для чего предназначенного) дорогого Вадима Максимовича. Именно он поздравит наших замечательных красавиц.

И снова сердце Милы пропустило удар, а щеки заалели от прилива крови. Она в деталях рассмотрела наряд Вадима, пока тот двигался на приглашающий жест Лидии Сергеевны. Белые брюки, темно-синий пиджак и на несколько оттенков светлее рубашка невероятно шли ему, оттеняя глаза. Даже с такого расстояния они сражали своей синевой.

– Милые дамы! – заговорил Вадим, и Мила поймала себя на том, что губы растягивает улыбка. Она ведь практически не слышала его голоса, так, пару раз улавливала издалека. А сейчас уверилась в том, что он именно такой – низкий, глубокий, волнующий… Самый сексуальный голос в мире! От последней мысли она чуть не поседела – о чем-о чем, а об интиме с руководителем она точно никогда не думала, до сегодняшнего дня. – Поздравляю вас с этим замечательным праздником! Желаю вам всегда быть такими свежими и нежными, как те цветы, что мы преподнесем вам сегодня в подарок. Радуйте нас своим присутствием, дарите нам свои улыбки и никогда не лишайте нас своего внимания.

Конечно, его речь не отличалась оригинальностью. Стандартные слова поздравления, достаточно обезличенные. Но Миле казалось, что говорил он сейчас для нее одной, что кроме них в зале больше не было ни души. Единственно, напрягало, что речь свою Вадим не сдобрил улыбкой.

– Мы подготовили для вас небольшие подарки, – продолжал тем временем Вадим. – Ну и дамы настояли, чтобы вручил их вам я лично, – вот тут он немного

смутился, и Мила вновь расплылась в улыбке. И только когда руководитель пригласил добровольцев на помощь, до нее дошло, что именно он сказал.

– Мамочка! – невольно пискнула она.

– Если хочешь, роль твоей мамочки сегодня сыграю я, – хохотнул рядом Вова.

Мила бросила на него взгляд, сидя как на иголках и не переставая следить за тем, что происходит на сцене. Первой мыслью была бежать отсюда и как можно скорее. Ее сменила не менее бредовая – забраться под стол и отсидеться в безопасном месте, пока все не закончится. И именно в тот момент, когда в голову готовилась взбрести очередная глупость, Вова шумно втянул носом воздух где-то возле ее уха и спросил:

– Синица, а чем от тебя сегодня так шикарно пахнет? Очуметь можно! Как мороженное, так и хочется лизнуть.

А пахло от нее духами с феромонами, про которые она вспомнила в самый последний момент. И так ей самой понравился этот сладковатый запах, что кажется она переборщила с нанесением его на открытые участки тела и волосы. И сейчас своим вопросом Вова чуть не добил ее окончательно, если бы не заговорил Максим Юрьевич, что перехватил инициативу у сына.

– С вашего позволения, дамы, я предложил сыну свою помощь во вручении подарков. На одного его вас слишком много, – с улыбкой посмотрел он на молчаливого и по-прежнему серьезного Вадима. – Да и когда еще представится возможность приложиться к нежной женской щечке, – подмигнул он всем сразу, и по залу как звон колокольчика разнесся смех его жены.

Мила перевела взгляд на мать Вадима и даже позавидовала тому, с какой любовью та смотрела на мужа. Он же подмигнул жене, одаривая ту ласковой улыбкой, и обратился к сыну:

– Право выбора у тебя. Куда тебя тянет – направо или на лево? – усмехнулся Максим Юрьевич, вытягивая руки в стороны.

Столы были расставлены по двум противоположным стенам, освобождая середину для танцев. В углу примостился ди-джей со своим пультом, что колдовал над музыкой, делая ее тише, громче или вообще убирая звук, как сейчас. «Генеральский» стол располагался строго посередине стены, противоположной входу в зал, так чтоб хорошо просматривались и правая и левая стороны.

Пока Вадим скользил задумчивым взглядом по залу, Мила боялась дышать. Она даже не знала, чего боится больше – того, что он выберет ее ряд, или того, что ей не удастся посмотреть на него вблизи и ощутить его губы на своей щеке. От последней мысли сердце и вовсе грозило сбежать куда подальше, чтоб не нарываться на такие волнения.

– Пожалуй, налево, – тряхнул Вадим головой, и Мила едва не расплакалась. Ведь он выбрал не ее ряд, и теперь она поняла, чего же все-таки хотела больше.

– Ну кто бы сомневался! – не солидно гоготнул его отец и хлопнул сына по плечу. А затем скомандовал двоим парням, что стояли рядом, держа в руках пакеты с подарками: – За мной! – и подошел к ближнему столику.

Мила не могла отвести взгляда от Вадима, что доставал подарки из пакета, протягивал их очередной виновнице торжества, жал руку и целовал в кокетливо подставленную щечку. Причем, кокетничали с ним все дамы, невзирая на возраст. Она же бесилась все сильнее, чувствуя, как в душе свирепствует ревность, и сама же ей удивляясь. С каких это пор она стала такой собственницей, и когда собственностью начала считать Вадима?

– Синица, приготовься, – послышался рядом голос Вовы. – Сейчас тебя клюнет в ланиту сам президент.

Мила встрепенулась и поняла, что Максим Юрьевич уже стоит возле их стола, поздравляя в данный момент Владу. Та разве что не растекалась довольной лужицей у ног президента. Лучилась так, что затмевала иллюминацию в зале, а когда получила законный поцелуй, картинно прижала руку к груди, словно сердце ее теперь навек принадлежит этому мужчине.

– Надо сбегать за огнетушителем, – усмехнулся Вова, – а то ж воспламенится сейчас…

Мила была с ним совершенно согласна, но сказать ничего не успела – настала ее очередь быть поздравленной.

Отец Вадима очень даже неплохо выглядел для своего возраста. Фигура его смотрелась подтянутой и спортивной. Сразу становилось понятно, что он уделял не мало времени поддержанию такой формы. Лицом сын чем-то был похож на отца. А вот цвет глаз и волосы унаследовал от матери. Максим Юрьевич стригся почти наголо из-за того, что рано начал лысеть. И глаза у него были умными и карими.

– Ваша красота, барышня, поражает в самое сердце, – одарил Милу генеральный незамысловатым комплиментом и протянул подарок, услужливо поданный парнем из курьерской, кажется, службы.

Когда жесткие губы коснулись ее щеки, Мила еле сдержала вздох разочарования, что на месте этого мужчины не Вадим сейчас, и это не его губы она чувствует на своем лице. Наверняка, она испытала бы взрыв волшебных эмоций. Может быть, у нее даже закружилась голова от столь невинного поцелуя. И пускай хоть на миг, но она была бы счастлива оказаться в его личном пространстве…

– Ты хоть посмотри, чем тебя одарили, – вырвал Милу из задумчивости голос вездесущего Вовы, и она поняла, что генеральный директор уже перешел к поздравлению следующей женщины за их столом, а она все продолжает стоять и пялиться на него. – И давай уже выпьем!

Она подняла свой бокал и чокнулась им с Вовиным, запрещая себе смотреть в сторону Вадима. Все равно, он даже внимания не обращал на их столы – целовал себе барышень, как выразился его отец. Она же рискует окосеть, если и дальше будет следить за ним. И да! Ей нужно выпить, пока настроение окончательно не испортилось.

Мила осушила свой бокал и невольно поморщилась от газированной жидкости. Впрочем, та уже растекалась приятным теплом по внутренностям, а пузырьки моментально рождали хмель в голове.

– Я им даже завидую, – буркнул Вова, буравя спину Максима Юрьевича, что возвращался за свой стол, шутливо-грозным взглядом.

– Чему именно ты завидуешь? – рассмеялась Мила, чувствуя, как наступает расслабление.

– Как чему? Перецеловать стольких баб за один вечер!

– Фу, как грубо, – скорчила Мила ему рожицу. – Не баб, а барышень. Бери пример у руководства.

– Ну одну барышню я бы точно не отказался поцеловать, – заглянул ей Вова в глаза, и почему-то появилась неловкость. Возможно потому, что смех из глаз друга как раз в этот момент испарился.

Торжественная часть праздника подошла к концу, и в зале вновь зазвучала музыка. Чтобы скрыть неловкость, Мила отвернулась от Вовы и проследила, как народ постепенно стягивается на свободное пространство и начинает зажигать в танце. А ведь и ей велено сегодня танцевать, да еще и так, чтобы быть замеченной. Бросив быстрый взгляд на объект своей охоты, Мила убедилась, что тот тоже уже за столом и весь отдался салату, к которому она, к слову, даже не притронулась. Но аппетита не было совершенно. Волнение изгнало все другие чувства. Нужно было что-то сделать и прямо сейчас, а что, Мила никак не могла придумать. И снова на выручку пришел Вова:

– Потанцуешь со мной, синица?

Как раз ритмичную мелодию сменила медленная. Пары принялись покачиваться в такт музыке. И Мила с улыбкой посмотрела на Вову:

– С удовольствием! – она действительно была благодарна ему, что так вовремя пригласил ее на танец.

В тот момент, когда, держась за руки, они влились в число танцующих, от генеральского стола отделилась еще одна пара.

– Ну кто бы сомневался, что юла не сможет усидеть на месте, – усмехнулся Вова.

Юлой он назвал Юлиану Карловну – главного бухгалтера, роковую красавицу и совершенную стерву. Даже Миле довелось столкнуться со стервозностью той, когда пришла к ней за визой на письме и получила выговор за ошибки, которых не допускала. А уж как та издевалась над девчонками в бухгалтерии, знали все. И нигде больше не было такой текучки, как у нее. Многие просто не выдерживали и из-за этой юлы добровольно отказывались от в общем-то приличной работы.

И именно Юлиана, обнажая в улыбке сразу все зубы, вела танцевать Вадима. Он же оставался все таким же безучастным, словно ему все равно было – есть салат или танцевать с главным бухгалтером. А вот Миле было не все равно. Обняв Вову за шею и проникновенно заглянув тому в глаза, она повела в танце, плавно покачивая бедрами и скользя ими вдоль тела партнера. При этом она старалась переместиться поближе к заветной парочке и попасть в поле зрения Вадима. Надо отдать должное Вове – он сразу же включился в игру, и обычный медляк превратился в целостность партнеров, которые идеально подходили друг другу, умели красиво двигаться и отлично чувствовали музыку. Своего Мила добилась – Вадим их заметил, и она даже успела прочитать мимолетный интерес в его глазах, пока он не отвел их первый. Только вот, и все остальные их заметили тоже. И в частности, юла. В устремленном на нее взгляде шоколадных глаз Мила прочла обещание скорой расправы. На миг стало страшно, но почти сразу же она еще теснее прижалась к Вове и двигаться принялась еще откровеннее. И конечно же, это снова помогло Миле встретиться взглядом с Вадимом.

– Ну ты, синица, даешь! – восхищенно голосил Вова, когда они возвращались за свой столик. – Ты где так танцевать научилась? И почему я раньше об этом не знал?

– В юности ходила на современные танцы, – отмахнулась Мила и припала к бокалу с шампанским, который ей оперативно наполнил Вова. В горле пересохло то ли от жары, то ли от волнения. Легче стало, только когда она осушила и этот бокал до дна.

– А ты и быстрые можешь?..

– Могу! – кивнула Мила, чувствуя, что второй бокал, да на голодный желудок грозит ей опьянением.

– А давай зажгем, а? – воодушевился ее кавалер.

– Сейчас?

– Ну да… Не сидеть же нам за столом, как те кумушки, – кивнул он на почти пенсионерок из их отдела.

Мила прислушалась к себе и поняла, что сможет. Да и ноги уже сами выплясывали под тот ритм, что задал ди-джей. Вовка все понял по ее лицу и без лишних слов снова утянул на танц пол. И они зажгли. Мила так увлеклась, что забыла и про Вадима, и про то, что внушала ей Вика. Она просто танцевала, радуясь, что ее партнер оказался таким умелым, что ей нравится смотреть, как двигается он, и подстраиваться под него.

И все же память не бездействовала и подтолкнула Милу посмотреть на Вадима именно тогда, когда тот ответил на звонок, а потом встал из-за стола, что-то сказал отцу и направился на выход. Вот тут Мила вспомнила, что если Вадим выйдет, то и ей следует отправляться следом.

– Вов, я больше не могу, – остановилась она, чувствуя, как действительно гудят ноги, а по спине скатывается струйка пота. – Пойду… попудрю носик, – нашлась она, дурашливо хихикнула, пытаясь выровнять дыхание, и умчалась на выход, не забыв прихватить со стола клатч.

Могла ли она знать, что именно после этого судьбоносного решения ее жизнь резко изменится!

Глава 6

Мила

Мила выскочила за дверь и какое-то время пыталась унять бешеное сердцебиение. И колотилось оно так вовсе не от танцев, а от волнения, которое буквально зашкаливало. Куда она лезет? За кем собралась шпионить? И не подведет ли ее под монастырь совет подруги выйти подышать воздухом?

Вадима не было видно в обозримом пространстве. Второй этаж по-прежнему пустовал, из зала доносились звуки музыки и чей-то визгливый смех. Оставалось надеяться, что Вадим вышел на улицу, а не направился туда, куда якобы собиралась она по официальной версии.

Преодолев лестницу на дрожащих ногах, Мила выдавила из себя улыбку и попросила у гардеробщицы пальто. Не идти же на улицу голышом. Набрав в грудь побольше воздуха, она решительно распахнула дверь и шагнула на крыльцо.

В первый момент Мила не увидела ничего, кроме потемок. Мешал яркий свет, что заливал вход в ресторан, а сад тонул во мраке, лишь неясные очертания деревьев навевали пугающие мысли. Постепенно Мила привыкла к темноте, как и стала различать звуки – проезжих машин на автостраде, одинокий щебет ночной птички…

Сначала она расслышала голоса, доносящиеся откуда-то справа. Все мужские и довольно агрессивные. Говорили тихо, и слов Мила не разобрала. Но в одном из голосов она узнала Вадима.

Смутное беспокойство, даже пока еще не тревога, заставило ее спуститься с крыльца, крепко держась за перила, потому как ноги скользили по обледенелой плитке, и свернуть направо. И лишь выглянув из-за угла здания ресторана, она заметила группу из четырех мужчин, одним из которых был Вадим. Трое других окружили его. Говорил тот, что стоял перед начальником. До Милы доносились слова: «Предупреждали… звонили… урод…», и она с ужасом поняла, что Вадиму угрожают.

Вадим не молчал и отвечал спокойно. Руки его были спрятаны в карманы, а вот в теле и позе чувствовалось напряжение. Он словно готовился к чему-то, в то время как голос того, другого, становился все более громким и агрессивным. Теперь уже Мила была уверена, что вышел он поговорить не с хорошими знакомыми, и что ему грозит опасность.

Пока она лихорадочно соображала, что же можно предпринять, не замечая, как мерзнет в легком пальто и туфлях, ситуация за углом изменилась. Тот, что угрожал, схватил Вадима за грудки и вжал в стену. В долгу Вадим не остался, и в следующий момент лицо нападавшего встретилось с его кулаком. Завязалась

самая настоящая драка, и Мила моментально потеряла способность соображать, как случалось с ней всегда в критических ситуациях.

Страх за Вадима обуял такой силы, что она заорала как резанная и кинулась к дерущимся, на ходу выхватывая из сумочки перцовый баллончик (мама когда-то настояла, чтобы Мила носила его с собой, всегда и на всякий случай, оставалось надеяться, что тот еще не просрочен). Поскользнулась, упала, встала и побежала дальше, не замечая порванных колгот и разодранных коленок. И все время, пока бежала, истошно кричала. Что именно, Мила потом и сама не могла вспомнить.

– Пустите его, дебилы! Я вызвала полицию! – гаркнула она, увидев, что двое держат Вадима, а третий бьет в живот, и выставила вперед баллончик.

Упругая струя газа вырвалась на свободу, и Мила с ужасом поняла, что попала та не в цель, а прямиком в лицо Вадиму. Дальше она соображала еще хуже, если соображала вообще. Палец словно свело судорогой, и он продолжал жать на кнопку, пока не ослепли все. Когда вдалеке послушался звук случайной полицейской сирены, в голове Милы мелькнула первая разумная мысль за последние пару минут – это знак удачи!

– Полиция! – заорала она еще истошней, и закашлялась так, как еще никогда не кашляла.

Кажется ей, или людей стало гораздо больше? Но к тому моменту она уже вообще плохо понимала, где находится, и что происходит вообще. По-прежнему слепая от застилающих лицо слез, с жуткой резью в глазах и надсадно кашляя, она расслышала знакомый голос, произнесший:

– Черт, синица!..

А потом ее кто-то подхватил подмышки, поднимая с земли, и куда-то потащил. Полоскало Милу долго, выворачивая наизнанку. Все это время она продолжала оставаться слепой и толком не понимала, кто поддерживает ее и говорит что-то рядом. Ей было так плохо, что казалось она умирает.

Более-менее пришла в себя, когда лицо ее принялись умывать холодной водой, растирая огромной ладонью. Вот тогда Мила хоть что-то смогла рассмотреть и

поняла, что находится в туалете, а полощет ее Вова, не преставая приговаривать:

– Ну ты, синица, даешь!..

И наступил отходняк! Она вцепилась в пиджак Вовы, уткнулась тому в плечо лицом и разрыдалась, хотя до этого ей казалось, что жидкости в организме не осталось. Парень застыл, а потом его ладонь прижалась к ее затылку, слегка поглаживая и похлопывая. Голова раскалывалась, а в горле драло так, словно по нему прошлись наждачкой.

– Все, синица, пошли, отвезу тебя домой, – проговорил Вова, отрывая ее от себя.

– Как он? – спохватилась Мила.

– Лучше чем ты, – буркнул Вова, посмотрев куда-то вниз, на ее ноги.

Тут и Мила увидела свои коленки, из которых сочилась кровь, колготки в уродливых жирных стрелках, заляпанное грязью пальто, и воображение тут же подкинуло картинку, как, должно быть, она сейчас выглядит. Но прежде чем покинуть туалет, она спросила:

– Его сильно избили?

– Да все с ним в порядке! – возмутился Вова, глядя на нее отчего-то злыми глазами. – А вот тебе нужна помощь. Поехали домой, кому говорю!

Он схватил ее под руку и довольно бесцеремонно вытолкнул из туалета. Когда покидали ресторан, слава Богу, никого не встретили. Не хотела бы Мила, чтоб еще кто-то видел ее в таком состоянии. Ладно Вова, он свой, наверное… Но если бы ее такой увидел Вадим, то Мила точно не пережила бы.

Довольно быстро Вова поймал попутку, усадил в нее Милу, и сам занял соседнее место.

– Куда едем? – весело спросил водитель и обернулся. Правда сразу же дернулся и принялся снова созерцать дорогу. Тут уж Мила не выдержала и истерично

рассмеялась – испугался мужик явно ее вида.

Кое-как Вове удалось заставить ее назвать свой адрес. Смех перешел в слезы, и какое-то время Мила снова проплакала. А весь оставшийся путь до дома сидела молча, мрачно восстанавливая в памяти события вечера и ужасаясь все сильнее. Перед глазами стояло ошарашенное лицо Вадима, пока в него не ударила струя газа. А дальше… про дальше вообще лучше забыть и как можно скорее. Очень некстати начало щипать коленки, теперь уже жалость к себе вызвала новый прилив слез. Тут уж Вова не выдержал:

– Хватит рыдать, синица, утопишь же! – в голосе его прозвучал смех, и Мила подумала, что классный он парень, но плакать не перестала, потому что не могла. Сколько она не плакала? Месяц, год?.. Вот сейчас и отрывалась по полной!

Вова проводил ее до самой квартиры. Уже у двери вручил клатч и пакет с подарком, в который она даже не успела заглянуть.

– Держи, синица, и с праздником тебя! – проговорил он.

– Да уж, – усмехнулась она. – Хороший праздник получился!

– Отличный! Был… пока ты не решила поиграть в спасателей, – добродушно улыбнулся Вова.

Он попросил водителя не уезжать, и Мила поинтересовалась:

– Вернешься в ресторан?

– Наверное, – пожал он плечами. – Дома делать нечего…

– Позвонишь, скажешь, как он там?

– Да что ты заладила – как он, как он!.. – снова разозлился Вова. – Что ему будет-то? Ну получил пару раз под дых!.. Обычные дела. Ты лучше о себе подумай – коленки вон обработай.

Мила кивнула и вставила ключ в замочную скважину.

– Позвони, – повернулась она к другу, прежде чем скрыться за дверью.

Бесшумной тенью Мила проскользнула в ванную, где почистила от грязи пальто, выбросила окончательно пришедшие в негодность дорогущие колготки и приняла душ, страдая от боли в коленках. Потом она обработала ссадины, убедилась, что ничего серьезного и нужно только немного потерпеть, и скрылась в своей комнате.

Мама смотрела телевизор, как поняла Мила по звукам, доносившимся из гостиной, и слабой полоске света, бьющей из-под двери. Лена, наверное, уже спит. А Сашка… да мало ли чем может заниматься подросток, когда уже не день, но еще и не ночь. Главное, что никто из них не увидел ее в таком плачевном состоянии. Ну а завтра она им как-нибудь все объяснит.

Разобрав постель, Мила забралась в нее, закуталась в одеяло и приготовилась ждать. Если Вова не позвонит, то это придется сделать ей. Но он позвонил.

– Как ты, синица? – первое, что спросил он.

– Нормально, – ответила Мила, чувствуя, как все тяжелее становится бороться с сонливостью. – Как Вадим?

– Жив здоров твой Вадим, – послушалось на том проводе. – Ни ссадинки… Пьет как конь вон только.

– Ладно, Вов, спасибо, что позвонил, – вздохнула Мила. – Спасибо тебе вообще за все! – добавила, испытав жгучий прилив благодарности. Если бы не он, не известно еще как бы она справилась, и перед сколькими людьми бы засветилась. А так, можно сказать, все прошло практически без потерь. Не считая того, что она едва не отравила любимого начальника.

– Спокойной ночи, синица. И пусть тебе приснится, как мы танцевали, – Вова улыбался, и на душе Милы потеплело.

– Спокойной ночи! – отозвалась она, отключилась и с наслаждением растянулась в кровати.

Сон накрыл сразу же, и приснилось Миле, что она кружит в танце с Вадимом. А он смотрит на нее и ласково улыбается.

Вадим

Что ж это за дрянь такая, которую и водой-то не смоешь?! Вадим с ожесточением тер лицо, чувствуя как горят и продолжают слезиться глаза. Этак они совсем вытекут!

Когда он услышал женский вопль, то чуть не обделался от страха. Но волосы точно дыбом встали. Это ж какие крепкие голосовые связки нужно иметь, чтоб так орать! Отморозки эти тоже растерялись порядком. А потом перед ним возник баллончик, за которым он и не успел рассмотреть лицо. Помнит только, что бледная она была как смерть, и глаза такие огромные, как… в общем, огромные.

И почему в него-то?! По логике вещей, она бросилась спасать его, и ему же залепила в физиономию газом!

Вадим прижал бумажное полотенце к глазам, и какое-то время стоял, не двигаясь, прислушиваясь к себе. Продолжали болеть только глаза, все остальное вроде в порядке. Конечно, с троими он бы не так быстро справился, сам бы получил, но в конечном счете и им бы нокаутировал. Не зря же у него КМС по боксу и шесть лет спортивной школы за плечами.

Нет! Ну откуда она только взялась?! Вадим в раздражении смял салфетку и бросил в ведро. Отражение в зеркале не порадовало свежестью. Глаза все еще слезились и были красными, как у быка на корриде. Рожа тоже бордовая, как у алкаша со стажем. И нос опух и течет… Черт! Спасительница!..

Выходил из уборной Вадим, посмеиваясь. Чем легче становилось дышать, тем забавнее начинала казаться ситуация. Да уж, женщины его еще не спасали, а случалось в его жизни всякое.

Инцидент, слава Богу, прошел почти не заметно для веселящихся сотрудников. Но отцу, конечно же, уже доложили. И наверняка, у того много вопросов.

Вадим вернулся в зал, где веселье было в самом разгаре. Пришлось проталкиваться сквозь танцующих и проявлять чудеса вежливости перед дамами, хватающими за руки и пытающимися увлечь и его, когда хотелось послать их всех подальше. Скорее бы уж этот вечер подошел к концу. И так из-за него пришлось отказаться от приглашения Юрка – «выпить и забыться», – как выражался приятель. Все ж лучше, чем отбиваться от назойливости той же Юлианы. Вон опять подскочила, стоило только увидеть его.

– Вадик, где ты ходишь? Пошли танцевать!.. – подбежала она к нему и повисла на руке.

– Юлиана, пусть тебе кто-нибудь другой составит компанию, – вмешался отец, за что Вадим был ему даже благодарен. Он бы и сам смог отвадить эту пиявку, но так даже лучше. – Мне с сыном поговорить нужно, – перевел он на Вадима взгляд, из которого вмиг исчезла ласка. – Как глаза? – спросил первым делом, когда Вадим опустился за стол.

– Уже нормально.

Отец кивнул и убедился, что мама занята разговором с Лидией Сергеевной. И только потом продолжил:

– Что происходит, сын? Кто это был?

– Я бы и сам хотел это знать, па? – пожал Вадим плечами.

– А какого черта ты вообще туда поперся?

– Ну уж точно не из желания получит по морде, – усмехнулся Вадим. – Вообще-то звонивший представился сотрудником «Тепло-века» и сказал, что у него есть важная информация.

«Тепло-век» – завод по производству радиаторов, маленький, но очень мощный. Они уже давно сотрудничали, и никогда раньше не возникало подобных

недоразумений.

– Тепло-век? – брови отца поползли вверх. – И что они говорили?

– Да чушь какую-то, пап! Про невыполненные обязательства, какую-то задолженность… в общем, парни явно были в неадеквате.

– Странно… – почесал Максим Юрьевич подбородок. – А потом еще и с кулаками полезли?

– Да там по ходу один обкуренный был. Он и начал первый.

– Ладно, с Тепло-веком я сам разберусь, – кивнул отец. – А ты не забудь поблагодарить свою спасительницу, – рассмеялся он. – Премию ей, что ли выпиши. Надо же, какие отчаянные девчонки у нас работают!

– А где она, кстати? – оглянулся Вадим, сам не зная в поисках кого, потому что совершенно не запомнил, вернее, не разглядел лица девушки. Разве что, в ушах его до сих пор звучал ее вопль.

– Так не ты один пострадал в заварушке, – уже откровенно рассмеялся отец. – Домой уехала твоя спасительница. Я правда тоже не успел перехватить ее.

Тут Вадим вспомнил, что слышал, как кто-то вроде называл ее синицей. Ну, наверное, ее, потому что больше некого. Разглядеть этого кого-то, конечно же, он не смог, но слово это расслышал отчетливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/volgina_nadezhda/moy-seksi-boss

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити